

АВТОПОРТРЕТ ВРЕМЕНИ

Представляемые в этой рубрике материалы можно объединить одной темой — «Старый Петропавловск и его окрестности». Они характеризуют различные стороны жизни центрального пункта полуострова в 1880—1910-х гг. и подготовлены с использованием малодоступных и раритетных источников: старых газет и книг, вышедших в первой половине XX в.

ПРАЗДНОВАНИЯ В ПЕТРОПАВЛОВСКЕ

24 августа 1882 г. на Кошке Петропавловского порта состоялось открытие чугунного памятника «Слава», установленного в память героических событий 1854 г. Его создали в Санкт-Петербурге и доставили в Петропавловск на крейсере «Африка». С этого же 1882 г. на содержание памятника в смете городских расходов предусматривались особые средства.

В церемонии открытия «Славы» принимали участие горожане, моряки с крейсера «Африка» и стоявшего в Петропавловске клипера «Вестник». Это событие описано в вышедшей в Санкт-Петербурге в 1909 г. книге «Кругосветное плавание крейсера “Африка” в 1880—1883 гг.». Ее автором является Всеволод Федорович Руднев, будущий командир легендарного крейсера «Варяг», тогда лейтенант.

Памятник стоял на Кошке до 1940 г., выполняя, помимо своего прямого назначения, роль створного знака. Затем его разобрали в связи с предстоящей реконструкцией порта, а позже перенесли на нынешнее место.

...Пятнадцатого августа прибыли в наш милый Петропавловск сменить клипер «Вестник», стоявший там летом. Уже со времени прихода в Хакодате начались тяжелые дни в отношении погоды — мы отвыкли от холода, плавая в тропических странах, почему туман и дальнейшие морозы сильно давали о себе знать.

24 августа в годовщину Петропавловского боя состоялось торжественное открытие памятника убитым воинам при защите города в 1854 г.

Памятник поставлен на средства, собранные подпиской между офицерами Тихоокеанской эскадры, местоположение его на косе дает возможность входящим на рейд судам любоваться издали его золоченой верхушкой.

Для парада свезли на косу сводную роту под командой лейтенанта В. Ф. Р. К этому времени прибыло духовенство; когда шествие установилось по данному церемониалу, двинулись вперед на братскую могилу служить панихиду в присутствии оставшегося в живых участника боя солдата Карандашева.

К сожалению, начало праздника было омрачено неприятным случаем: на рейде одновременно с нами стояла английская яхта «Энчайтрес», владелица которой вместе с другими пассажирами яхты была на панихиде и возложила три венка: на русскую, английскую и французскую могилы. По окончании общей панихиды, обратились к священнику отслужить отдельную панихиду на английской могиле, каково же было неудовольствие, когда священник отказался служить и даже повернулся спиной.

С кладбища процессия двинулась в собор, где служили обедню, и затем все прошли на косу к памятнику. При снятии завеса оба судна салютовали, после чего команда прошла церемониальным маршем...

С 1858 г. в соответствии с императорским указом в Петропавловске ежегодно проходил крестный ход в память о событиях августа 1854 г. Последнее такое торжество в досоветский период истории Камчатки состоялось в 1922 г. Возрождено оно было совсем недавно, в середине 1990-х гг. Вот какое описание событий, имевших место в Петропавловске в августе 1890 г., содержится в газете «Владивосток», вышедшей 30 сентября этого же года.

Четырнадцатого августа, как известно, наша Тихоокеанская эскадра, состоящая из крейсеров «Адмирал Нахимов», «Адмирал Корнилов», клиперов «Джигит» и «Крейсер» ушла в Петропавловск отпраздновать 36-ю годовщину о знаменитом Петропавловском бое 24 августа. Пройдя благополучно Сангарским проливом, а затем вдоль Курильской гряды, эскадра прибыла к 23 августа в Петропавловск.

24 августа было отпраздновано с подобающей торжественностью! Торжество этого дня заключалось в том, что утром в девять часов по распоряжению начальника эскадры с судов был отправлен на берег десант с орудиями, который по высадке прибыл к братской могиле, где собрались горожане и духовенство.

По прибытии начальника эскадры со штабом и офицерами эскадры, местным духовенством вместе с духовенством эскадры была отслужена панихида, по окончании которой был произведен трехкратный залп батальонного десанта и десантными орудиями. Отсюда духовенство, десант и публика направились в церковь для служения обедни, по окончании которой крестный ход при салютах с эскадры направился к памятнику, поставленному усердием офицеров эскадры Тихого океана, плававших до 1889 г., в воспоминание отражения нападения соединенной англо-французской эскадры.

Здесь был отслужен молебен; после этого духовенство, кресты и хоругви переправились на особо на этот предмет выстроенных плотках с косы на материк, к перешейку, на котором была батарея во время боя, и с этого места начинался бой в гору и далее. В это же время переправился к тому же месту

весь десант. Момент переправы был картинный, много фотографических видов успели снять с разных пунктов.

Переправясь на материк, шествие, поднимаясь в гору по тропинке, своей массой как бы опоясало ту гору, с которой тридцать шесть лет тому назад сильнейшей численностью неприятель с англо-французской эскадры был в буквальном смысле сброшен с горы в воду десантом с фрегата «Аврора» и транспорта «Двина», стоявших в гавани.

Таким образом, шествие дошло до главного пункта на горе, где окончательно неприятель бежал; тут шествие остановилось, духовенство совершило литию. Закончив шествие посещением места сражения, десант выстроился развернутым фронтом около соборной церкви, где начальник эскадры произнес краткую речь десантным войскам, указав на молодецкий подвиг русского воина, отразившего врага в 1854 г.; затем десант прошел церемониальным маршем.

Торжество закончилось парадным обедом на флагманском корабле, на котором находились также пять человек современников знаменитого Петропавловского боя.

Вечером пускали с эскадры ракеты и освещали город боевыми фонарями. На следующий день по распоряжению начальника эскадры вице-адмирала П. Н. Назимова приступили к установке на братской могиле новой решетки, приобретенной на средства добровольно подписавшихся гг. офицеров эскадры, и выравниванию площади здесь и у церкви. Эти работы окончены 30 августа. Начальник эскадры после литургии в соборе зашел в здание местного окружного правления, где собрались все представители города и общества, простился с ними, пожелал всего лучшего.

В 11 часов все интеллигентное общество города было приглашено на суда эскадры к завтраку, а в 7 часов вице-адмирал П. Н. Назимов пригласил к себе на парадный обед всех командиров и официальных представителей города. 31 августа, приняв почту, в 9 часов утра эскадра оставила Петропавловск и вместе с тем отрадное впечатление у тамошних обывателей, у которых не скоро все это изгладится.

При прощании жители выразили адмиралу глубокую благодарность за посещение отдаленного города эскадрой в составе четырех судов, чего до сих пор никогда не было.

Желательно, чтобы петропавловцы поддержали братское кладбище и ограды в том виде, в каком им оставила эскадра.

Следующий материал принадлежит перу уроженки Петропавловска М. Н. Симоновой. Он взят нами из юбилейного сборника «Камчатка», выпущенного русской колонией в Шанхае в 1940 г. в честь двухсотлетия со дня основания города.

ПЕТРОПАВЛОВСК В 1880-х ГОДАХ

После продажи Аляски и уничтожения в 1875 г. Петропавловской крепости прекратились всякие заботы о населении Камчатки, и правительство ограничилось тем, что сохранило ее в составе Российской территории, вручив управление ею Начальнику Камчатского края Сергею Афанасьевичу Херсонскому.

Что касается Колымского и Чукотско-Анадырского края, то он не управлялся никем и был предоставлен самому себе. Население жило за счет пушнины, которую скупали приплывавшие сюда на шхунах американцы. Торговля носила характер обмена пушнины на товары.

Мой отец Николай Андреевич Херсонский, представитель сорок первого поколения древнего русского рода Херсонских, имевшего позади себя в роду восемь архиереев, двадцать три протоиерея и целый ряд родственников, служивших во флоте и по медицинской части, по окончании Красноярской гимназии, будучи уже чиновником, находился в непрерывной переписке со своим старшим двоюродным братом, Сергеем Николаевичем, служившим на Камчатке.

В письмах его ярко охарактеризовывалась жизнь нашего русского Северо-Востока, ея хмурая, грозная, но временами нежная, ласкающая, чудная природа, милые, честные и добрые камчадалы.

Со всем своим простодушием, горячим пылом и фантазией отец мой решил посвятить себя изучению этой дикой страны и благу честного, трудолюбивого народа.

В 1882 г. отец мой вступает в брак с дочерью первого сибиряка-студента, известного сибироведа, тогда бывшего инспектором Иркутского учебного округа, С. М. Щукина — только что окончившей Николаевский институт в Петербурге. Оба они пускаются в далекое путешествие на Камчатку, чтобы пожертвовать ей свои молодые силы и энергию. Назначение ея учительницей в Петропавловск было в то время настоящим триумфом для учебного мира.

Желающих подвергать себя опасностям тяжелого пути через Сибирь, диким зверям и разбойникам, и жизни в глуши, в России не было, и это могли делать только люди с высоким благородным духом, с железной волей и готовые на самопожертвование.

В мае 1882 г. мои родители с целым транспортом груженных тарантасов, с грузом старинных, в больших киотах, икон, с библиотекой, учебниками, картами, альбомами, сундуками, тюками и провизией в сопровождении верных слуг двинулись в путь.

Все одинаково ликовало: и веселые лица людей, и беззаботное пение птичек, и холодные в душистой зелени ландыши, и колокольчики повозок — все славилو Великого Творца.

Бесконечные дни и недели двигался караван по страшному Сибирскому тракту среди девственной тайги.

С бешеного скача иногда тройка вдруг останавливалась, замолкали колокольцы, трусливо прижимались пристяжки к оглоблям, коренники поднимали уши, прислушивались кучера — что-то случилось. В страшной тишине лишь слышно журчание ручейков и треск кузнечиков. Спустя секунду — какой-то треск и гул в лесу. Успокоительно тряхнули головой лошадки, облегченно вздохнули ямщики и седоки. «Не бойся, барынька, несчастненькие идут», — обернувшись, говорит ямщик. Загромыхали цепи, из-за леса на поворот показывается стройный ряд солдат, ружья на плечах, а за ними серый ряд «волков». Грубый, страшный взгляд исподлобья, злой блеск в глазах. Засуетились в тарантасах, скорее достали полные руки серебряной мелочи, скрывая страх и ужас, дрожащими руками бросаются они, с разрешения конвоиров, в центр рядов каторжан вместе с табаком и прочими попавшими под руку подарками.

В осенние страшные темные ночи не раз бывало в пути, что тарантасы останавливались разбойниками, и, сочтя вас за недостойный объект их внимания, с грубой бранью, свистом и улюлюканьем приказывали скорее выпроваживаться дальше своей дорогой, так как они ждали купцов с золотом или чиновника банковского, либо почты. Запрещалось под страхом смерти говорить о происшедшем в попутных селениях и на станциях. А сколько на пути, вдоль дорог, белых крестиков убитых и ограбленных людей, сколько трагических рассказов об этих жертвах и шалостях озорных ребят на сибирских дорогах...

Не верится порою комментариям ямщиков, снимающих картуз и закрывающих пред крестами, что здесь лежит Раб Божий Иван Кривой, погибший за пятачок, в другом месте — Раб Божий Никита — за кисет и трешку и т. д. и т. д.

После Сибири — огромный Якутский край с невыносимыми морозами. Люди закутаны в меха, лиц не видно, птица на лету мертвая камнем падает в снег, и какое счастье — собачий хриплый лай, дымок, остановка с дороги на станции, где станционные служители выносят на руках из повозок, как детей, закутанных в меха людей. Невыносимые морозы, люди добрые, страшные звери, опасность быть занесенным пургою и дивная природа севера... Бегут месяца, меняются времена года, мы приближаемся к Камчатке. Какая-то она?

Нападения волков все чаще и чаще. Необыкновенно хорошо выносят лошади выстрелы, как будто чувствуют умные животные, что в них одних спасение...

Наконец долгожданный момент настал: перед изумленными глазами роскошная, чудная зимняя сказка. Это наш милый Петропавловск!

Роскошные, снежные блестящие сопки розовеют на фоне синего ясного неба, освещенные закатывающимся солнышком. Розовым бриллиантом блестит золотой крест на маленькой деревянной церкви. После белой, ровной пелены Охотского моря, каким чудным волшебным зрелищем кажется это маленькое живописное селение. Игрушечные домики окружают несколько более крупных построек. По бриллиантовой дороге голубоватых пуховых снегов, как мураши, как нитки темных бус, скатываются вереницы санок, запряженных пышными, веселыми собачками — все это спешит к какой-то группе, пестреющей на уже готовом закатыться солнышке.

Это украшенные флагами шалаши, юрты, давно сооруженные при въезде в город для встречи ожидающегося чиновника и учительницы.

В один момент насыпалась огромная толпа жителей — взрослые и дети в пестрых кухлянках. Трудно сказать, чья радость была больше: всего служебного персонала, вышедшего для встречи, во главе со стареньким батюшкой, или прибывших, счастливо вынесших долгий и трудный путь от Красноярска до Петропавловска-на-Камчатке.

Как старые друзья, все со слезами радости кинулись в объятия друг другу. Отец с детства еще расстался со своим братом Сергеем Афанасьевичем и теперь видит его уже солидным, женатым и своим начальником. Общей радости не было конца.

Не так-то велик был персонал служащих. Мигом все перезнакомились. Для местных жителей это был сущий праздник видеть свежих людей, предвкушать удовольствие кинуться на привезенную библиотеку.

А какую овацию устроили милые, добрые камчадалы, как они теснили кольцом, обступив и прибывших, и встречавших. Прибывшие с удовольствием переселовали маленьких, кукольных, хорошеньких камчатских ребятшек, которые, нисколько не стесняясь, поднимали свои красные, румяные, толстые мордочки и прыгали с радости. Первое, что поразило моих будущих родителей — это простое, дружественное, любовное отношение, которое существует между начальством и сельчанами. С первой минуты определилась чудная, детски наивная, святая душа этого милого народа. Камчадалы показались крепко сложенными. Здоровые, румяные, узкоглазые, черноглазые, скуластые, с крупными чертами лица, с белым довольно цветом кожи, но заветренные и загорелые, приветливые, веселые. Невозможно не полюбить их с первой минуты. Все чудно говорят по-русски, но произносят букву «с» как «ш».

Как пояснил дядя, население не так велико, как показалось с первого взгляда, так как большинство из встречающих были приезжие, специально прибывшие со своими оленями, юртами, саями, собаками, чтобы как можно ско-

рее увидеть приезжих господ. Смешно и весело было смотреть на них и видеть, какое им доставляет удовольствие разглядывать прибывших, как зверей в зоологическом саду. Каждый считал долгом потрогать ботинки, платье, руки, серьги, волосы и при этом они в диком восторге с радости кричали. Так толпой везде и провожали: зашли в церковь и даже в дом к дяде, а те, кто не мог уже пробраться в дом, вызывали несколько раз прибывших настоятельными криками на крыльцо. Надо сказать, что толпа оказалась довольно дисциплинированной: как только слуги распорядились — сейчас же все убралось. Тут же им были розданы подарки: ленты, сласти, платки, табак. Все это привело в большую восторженность, и они одинаково проявляли радость — мужчины, дети и женщины. Все одинаково скакали, чмокали языками в знак благодарности; кушанья-закуски и сладости им понравились, но с сыром они не могли никак помириться, и, несмотря на объяснение, брали его, употребляя вместо мыла для стирки.

Каким роскошным дворцом показалась казенная квартира в шесть комнат, выстроенная из толстого леса, с массою окон, после чуть ли не годового скитания по кибиткам и станциям. Особенно приятно было, что квартира была уже совершенно обставлена, украшена коврами, зеркалами, мехами. Посуда, постели, полная кухня — все готово. Ванная, служебные помещения — все оборудовано, и даже шкаф, кладовки и подполье — все оказалось набито провизией. Это было очень приятно застать с дороги. Встречи, знакомства, визиты надолго оттянули долгожданный момент, когда, наконец, можно было приступить к ознакомлению со своими служебными обязанностями. Особенно тревожила моего отца мысль, как он справится с государственной службой, и в чем она будет состоять.

Как раз об этом можно было совершенно не волноваться. Дело было несложное. Навигация открыта короткий срок. Суда, обслуживающие край, приходили четыре раза в лето. Труднее, ответственнее и хлопотливее была обязанность агронома. Всех должностных лиц было человек восемь. С детьми занимались все, но из любви к искусству, скорее из-за любви к детям. Казенной учительницей мать моя была первой.

Священник, дьякон, доктор, агроном, судья, землемер и начальник края — вот весь административный аппарат Камчатки 1880-х гг.

Судья мог пребывать в счастливом бездействии. Как он сам шутил, его занятия могли быть только охота, рыбная ловля, карты и игра на скрипке. Ввиду того, что камчадалы народ безукоризненно честный и нравственный, не было нужды позаботиться постройкой судебного здания или какой-нибудь камеры. У камчадалов не было случая не только преступления — кражи, обмана, подлога, но даже мелкой ссоры между ними, в которую принужден был бы вмешаться судья. Это было старое, доброе время честной семейной жизни, никаких вымогательств, взяток, подкупов не было ни с чьей стороны.

Каким ужасным, черным историческим днем было для бедных камчадалов следующее печальное происшествие. Как-то С. А. Херсонскому посчастливилось поймать на охоте редкостный экземпляр — невиданную, дивной красоты и громадного размера молодую лисицу. Совершенно невредимая, в чудном, бодром, веселом настроении она красовалась в великолепной громадной клетке-домике, специально для нея устроенном, с удобной норкой, стволами березок, пышной елью. Окрестные жители съезжались массами взглянуть на это диво. Американцы, скупщики зверья и меховых шкур, наперебой предлагали громадные деньги, но дядя этот редкостный вид животного решил поднести в дар Государю Императору, и через две недели она должна была быть отправлена на военном судне, о сем уже были извещены в Петербурге родственники, которые любовались ея фотографией и ждали с нетерпением драгоценной посылки.

Каков же был общий конфуз, разочарование и досада, когда в одно прекрасное утро, подойдя кормить это милое, уже почти ручное громадное животное, оно оказалось исчезнувшим. Все чуть ли не плакали от досады. Все экспедиции по поискам возвращались ни с чем, и в подношении Его Величеству бедному дяде пришлось ограничиться какими-то шестью белоснежными птицами, наспех приобретенными у какого-то любителя ценных животных, английского капитана, которые благополучно были отправлены в перестроенной лисьей клетке. Каково же было всеобщее изумление, когда после отплытия военного корабля кто-то обнаружил общую любимицу, пышную красавицу, спокойно сидящей на обыкновенной собачьей цепи в грязной юрте, прикрепленной к полу, по соседству со своей новой хозяйкой, которая была занята каким-то рукоделием.

Для начальства создалось положение безвыходное. По закону преступница должна быть арестована, а куда ее посадить? Явилась необходимость постройки тюрьмы для нее специально, а пока — что с нею делать? Баба спокойно заявляет, что она соблазнилась на лису, так как она ее полюбила, привыкла и не хотела с ней расставаться. Решили перевести бабу под арест в какой-то маленький особнячок и поставить стражу. Пока возились с бабой и приходили к этому мудрому решению, лисичка неожиданно взмахнула своим пышным хвостиком и с оторванным колом мелькнула молнией через головы начальства в открытое отверстие юрты. Она на секунду повернулась своим легким корпусом, показала озадаченной и растерявшейся публике свою хитрую мордочку и стрелой исчезла в дали.

Долго не могли забыть все это досадное приключение. Итак, это был единственный случай преступности за все долгое служение в Петропавловске моих родственников.

В те времена громкому названию города Петропавловска совершенно не соответствовал вид небольшого села, с возвышающейся деревянной цер-

ковью и нескольких, довольно крепкого вида, хороших казенных построек. Выделялись также частные постройки Торгового дома «И. Я. Чурин и К^о», несколько американских контор, рыбных и пушных предприятий.

Жил в то время в Петропавловске в собственном хорошем доме православный американец Сандалин, почти обрусевший, камчадалы ютились в маленьких своих домиках и юртах, часто обнесенных вокруг высокими заборами, которые защищали домики от сильнейших штормов — пурги. Зимой с такими снежными заносами, что по окончании их из окон высоких домов представлялась картина полнейшего отсутствия признаков жилья. Все кругом было покрыто роскошной, бриллиантовой пеленой голубоватого снега, блестящего от яркого солнышка на синем небе. Вереницы саничечек, запряженных бойкими собаками, проносились над засыпанными снегом крышами домиков.

Проходят дни, прежде чем из-под снега начнет пробиваться дымок. Как мураши, выкарабкивались фигуры в кухлянках с лопатами, отгребая по стонам рыхлый снег и устраивая ходы сообщений — дорогу.

Особенно красиво окончание пурги ночью, при свете звезд или при северном сиянии, которое сменяется розовым восходом солнца. Переливами красок можно наслаждаться без конца.

Особенную радость проявляют тогда и животные, которым иногда неделями приходится отлеживаться в занесенных снегом норах во время пурги в тайге. Единственное спасение — зарыться в снег и терпеливо выжидать окончания пурги.

Что поражало приезжих в те времена — это изобилие зверья. Утром по свежему снегу обыкновенно можно было видеть тысячи следов, начиная от объемистой лапы медведицы с маленькими отпечатками медвежаток, следы лисиц, волка и бесчисленное множество следов белочек, зайцев и горностаев. Эти маленькие зверьки — горностаичики — нисколько не боятся людей. Подбегают к ним совсем близко и ждут, пока им бросят корм. Они доверчивы и любопытны, облепливают каждое окно, где только видят людей. Их привлекает голос человека. Тесно прижавшись друг к другу, вытянув вперед мордочку, с поднятыми передними лапками наблюдают они за движением людей и ждут гостей.

Камчадалы рассматриваемого нами периода не обижали зверя, который доверчиво подходил к человеку. Несмотря на ценность мехов, камчадалы избегали легкой охоты с ружьем около своего селения и выезжали на охоту за сотни верст, избегая хищнического истребления зверя. Позднее все это изменилось. Камчатка привлекла охотников, и началось повсеместное уничтожение зверей, которые стали исчезать и прятаться от человека. Это у нас называется культурой, которая, к сожалению, многое отнимает из того, что дает природа в ее первобытном состоянии.

Приятно любоваться блестящими снегами, но иногда покрываются они хлопьями сажи со стороны дымящегося вулкана и трясениями земли. Неприятным явлениям камчатской жизни надо считать ежедневные выступления непрошенных артистов — собак и окрестных диких волков, которые состязаются в виртуозности взять тон заунывнее, трогательнее, продолжительнее и погромогласнее — до общей стройной, двухсекундной передышки, при которой они черпают новое вдохновение и силы для продолжения своего концерта, длящегося несколько часов подряд. С непривычки у слушателя может пойти мороз по коже от этого невероятного воя. Концерт этот невозможно прекратить никакими угощениями, и происходит он не от неудобств жизни, голода или отсутствия ласки хозяина, холода или от чего другого, а просто для саморазвлечения и из любви к искусству, из-за потребности, видимо, культурного развлечения собачек и волков.

Особенную тоску этот вой нагоняет, когда вспомнишь о существовании страшного под Петропавловском общежития прокаженных, где люди мучаются за двойным высоким забором, совершенно изолированные от мира, имея маленькую щелку — отверстие в заборе, через которое ежедневно передается полагающееся им от казны довольствие и частные пожертвования. Ничего обратно не берется. Так с блюдами, посудой им просовывают пищу и скорее удаляются, а спустя некоторое время их дежурный подходит и берет все доставленное для распределения между больными. Жители слышат иногда их ужасный, одичалый крик и стоны, проезжая мимо...

Неприятны также моменты кормления собак кислой рыбой, когда воздух насыщается страшным зловонием. Однако, все это вознаграждается красотами природы, ароматом душистой хвои, чудным, хотя и коротким, летом, позволяющим купаться в море лишь один месяц, но зато в окрестностях имеется много горячих источников, вокруг которых зимою растет изумрудная травка и в которых можно купаться круглый год на открытом воздухе, который здесь, над источником, теплый.

Масса всяких ягод отличается громадной величиной, ароматом и вкусом гораздо лучше российских. Крупная клюква водится в таком изобилии, что ее сгребают лопатами...

После Рождественской елки 1883 г., устроенной для детей всего округа, открылась первая школа для камчатских мальчиков и девочек, которых сразу набралось семьдесят человек. Одно наслаждение было заниматься с такими прилежными и любознательными детьми. Одно было трудно — это прививать им чистоплотность, с которой никто из них не был знаком с детства. Новорожденный, для обоюдного удобства и тепла, засовывался в меховой сапог матери и первое знакомство имел с салом и с сажой, которым обильно пропитаны все предметы их домашнего обихода и одежды, да прибавить еще душную закоптелую атмосферу их грязной юрты.

В этой обстановке ребенок встречает первые минуты своей жизни, и если бы этот уже подрастающий младенец, все еще сидя в тарбасе своей мамы, вздумал бы выглянуть своими узкими черными глазенками в тот момент, когда мама мирно сидит у своего горящего очага, ему бы тоже представилась далеко не изящная картина: дымный воздух, на фоне закопченных стен со звериными и рыбьими шкурами на них развешанными, он увидел бы ее красную и заскорузлую руку, силиющуюся изобразить однообразные узоры — кубиками по какому-то куску кожи с помощью деревянной иглы с вздернутой в нее рыбьей жилкой, распространяющей аромат довольно непривлекательного свойства. После этого кухлянка выветривается и сушится на солнце месяцами, прежде чем она войдет в состав гардероба. Так вот, таких подростков не особенно легко было пристрастить к чистоте и порядку.

Очень может быть, что класс можно было разбить на два отделения, так как среди учеников было много весьма способных.

Ясно, что учительница могла отдаваться всей душой педагогическому делу и посвящать много времени внешкольному воспитанию, устраивая для детей всякие разумные развлечения, поездки, игры, пикники. Милое, дружное общество сослуживцев принимало охотно участие в спектаклях и концертах, хотя и не было рояля, и даже старшее поколение маленькой колонии отрешилось от старой привычки в свободное от службы время в длинные вечера проводить досуг за картами, хождением в гости друг к другу на пироги и пельмени и весело примкнуло к компании молодежи.

Много принесла радости обширная библиотека, давшая возможность чтения вслух.

Первый весенний рейс, появление парохода, — это праздник для всего общества. Этот пароход ждут с великим нетерпением. С последним рейсом осенью 1883 г. пришла роскошная пара выездных, рыжей масти, лошадей с полной упряжью и экипажами для зимнего и летнего выезда — дар Императора моим родителям. Тут была неопишуемая общая радость. Долго пришлось лошадям отдыхать после морского путешествия, оклиматизироваться и приучаться не пугаться всякого зверя, прежде чем решиться их запрягать. Много пришлось хлопотать с ними опытным в этом деле казакам, и все-таки немногие решились кататься на них. В одну из поездок лошади заметили медведя, кинулись в сторону, выкинули седоков, сломали экипаж между кривыми соснами и понеслись. Отец и кучер бросились их удерживать, но обезумевшие лошади неслись. Одна из них ударила копытом в грудь отца и, хотя он скоро оправился от этого случая, все же это было причиной смерти моего отца через несколько месяцев.

К великому горю моей матери, родственников и сослуживцев, моего двадцатитрехлетнего отца 12 февраля 1884 г. похоронили в Петропавловске, а через пять дней я появилась на свет.

От ужаса и грусти матушка моя, не дождавшись парохода, через три месяца села на первую попавшуюся шхуну со старой няней-камчадалкой и тремя казаками, и мы направились в Николаевск-на-Амуре.

После двадцати одного дня плавания по Охотскому морю, шхуна была разбита штормом, и на остатке киля, запутанного парусами, с одной мачтой, так как две другие сломало, нас выбросило в бухту Святой Ольги. Из всех находившихся на шхуне спаслись мы пятеро и два американца. Все остальные погибли.

Спасение наше моя мать приписывает чуду. За два дня до спасения она привязала к едва державшейся мачте образ Святого Николая Чудотворца. Двое суток носило остатки шхуны по воле ветра на громадных волнах и, наконец, выбросило на берег...

С. А. Херсонский прослужил в Петропавловске еще лет десять и оставил большую коллекцию разных экспонатов во Владивостокском музее о Камчатском крае, а также целый ряд отчетов о Камчатке в Географическом Обществе.

Мать моя, Софья Николаевна, вышла замуж вторым браком за П. А. Занадворова, прослужившего на Дальнем Востоке тридцать шесть лет в должности начальника Приморской области, Амурского и Южно-Уссурийского края, и скончалась в Шанхае 8 августа 1933 г.

С чувством глубокого сожаления я должна отметить, что хранившиеся в нашей семье в Царском Селе фотографии, зарисовки с натуры, акварели различных видов Камчатки, коллекции одежды и утвари погибли во время революции. Все эти материалы относились к быту Камчатки восьмидесятых годов прошлого столетия.

Кобе, Япония, сентябрь 1940 г.

«Личные впечатления» действительного члена Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества А. П. Сильницкого о посещениях в 1896 г. Камчатки и пребывании в Петропавловске изложены им в опубликованной в 1897 г. в Хабаровске книге «Поездка в Камчатку и на реку Анадырь». Ниже воспроизведена ее первая глава.

А. П. СИЛЬНИЦКИЙ

ИЗ ВЛАДИВОСТОКА В ПЕТРОПАВЛОВСК. ВПЕЧАТЛЕНИЯ КАМЧАТКИ

На реку Анадырь, а попутно и в Камчатку ежегодно доставляются различные запасы и почта. В этом году при посредстве торгового дома «Кунст и Альберс» был зафрахтован Приморской администрацией датский пароход

«Freuer», на который была погружена почта и все товары, предназначенные на реку Анадыр и в Камчатку. Товары, принятые пароходом, состояли из муки, соли, каменного угля, различных материй, железных изделий, керосина, чая и сахара. Общий вес казенного груза не превышал четыре тысячи пудов.

В качестве представителя администрации, на которого возлагается ответственность за почту, был послан я. Так как страны, мною посещенные, весьма удалены, и так как бывавшие там считаются единицами, то мне поручено было сделать общему собранию Приамурского отдела доклад о моем путешествии.

Нагрузка зафрахтованного парохода была закончена 3-го июля, а 4-го июля в пятом часу вечера мы снялись с якоря.

Начало плавания было прекрасно. Вечер был тих, светлый и теплый; наступившая ночь была звездная. Мы шли со скоростью десять миль в час. На рубке при свете фонаря командир и штурман с циркулем и карандашами в руках вычисляли время нашего вероятного прихода в Петропавловск.

Основываясь на вычислениях, командир сказал, что двенадцатого в полдень мы будем на месте. Но это оказалось не совсем точно. Утро 5 июля мы встретили уже в совершенно безбрежном море; мы шли по направлению к Японии. 5-го июля с утра была ясная погода; но в полдень подул свежий ветерок; чем более мы приближались к японским островам, тем более усиливался ветер, а ясное голубое небо мало-помалу заволакивалось тучами; море волновалось. В ночь с 5 на 6 июля мы попали в туман.

Пройдя Сангарский пролив, мы взяли курс на Север и шли вдоль Курильских островов. Но туманная погода, ни на минуту не прояснявшаяся, не позволяла нам видеть ничего, кроме парохода и маленькой, не более пятидесяти саженьей, полосы моря. Бывали даже дни, в которые, иногда в течение нескольких часов с кормы парохода не было видно его носа. Качка, не перестававшая ни на минуту, туман, а иногда и дождик делали наше плавание томительно скучным. Все наше общество состояло из одной пассажирки, ехавшей в Камчатку с двумя маленькими детьми, командира, штурмана, механика и меня. Качка, хотя, по уверению моряков, и слабая, тем не менее, укачала мою спутницу и ее детей. На меня качка не действовала; а потому я проводил большую часть времени в кают-компании и на рубке.

Нужно заметить, что ни один человек из пароходной команды не знал по-русски ни слова. Командир и штурман, кроме датского и английского языков, знали немного немецкий. Я никогда не говорил по-немецки и никогда не рискнул бы говорить, если бы не встретилось серьезной необходимости. Ко мне обращалась с разными просьбами моя заболевшая спутница и мне, волею неволей, пришлось припомнить познания в немецком языке, полученные когда-то при изучении немецкой грамматики Кейзера. Где словами, где пантомимой я кое-как объяснялся с датчанами и тем разнообразил скучное плавание.

12-го июля утром командир объявил, что мы находимся близ входа в Авачинскую губу; показал он и направление, куда следует повернуть пароход, но войти не мог. Вход в устье Авачинской губы обозначен на английских картах безчисленным множеством камней; в течение пяти последних дней вследствие постоянного тумана нельзя было определить положение парохода при помощи секстанта, а потому предположение командира было, так сказать, гадательно. Мы не могли идти ни вперед, ни назад, а туман не только не рассеивался, но даже сгущался. В таком положении почти на одном месте мы держались более суток.

Лишь 14-го июля, около одиннадцати часов утра при слегка рассеявшемся тумане выглянуло солнышко и открыло нашим глазам чудную панораму Камчатского берега, изрезанного самыми прихотливыми бухточками, окаймленного высокими скалистыми горами, покрытыми снегом. Прямо перед нами, командуя над всею окружающею местностью, показалась Корякская сопка, имеющая около тринадцати тысяч футов высоты. Корякская сопка находится в сорока пяти верстах от г. Петропавловска; в ясную погоду, освещенная солнцем, она, покрытая вечным снегом, необычайно красива. В ясную погоду с моря видно, как она дымится. Дым сопки есть лучший предсказатель погоды в Камчатке. Видна Корякская сопка, ея дым не застилает кратера — будет хорошая погода; начал застилаться кратер, исчезла вершина сопки в облаках — будет ненастье. Увидя Корякскую сопку, нечего было и пользоваться секстантом. Мы вошли в Авачинскую губу.

При входе в устье Авачинской губы стоят три огромные камня, из коих один, пробитый волнами, напоминает арку. Наверху камней гнездится безчисленное количество морских чаек, а около них и по всей губе плавают несметные стаи уток различных пород. При приближении парохода к стае, между утками начинается страшный переполох; долго бегут оне, хлопая крыльями по воде и, наконец, все, как бы по команде, ныряют в воду. Нырнув, утки держатся под водой минуты две.

Войдя в Авачинскую губу, мы тотчас же увидели Сигнальную гору и тот знаменитый мыс, на котором в 1854 г. в августе месяце развивался крепостной флаг, свидетель, по словам В. С. Завойко, подвигов чести и русской доблести. Ныне эта гора покрыта лесом, рубить который на домашние надобности петропавловцы считают преступным. Охраняя этот лес, камчатское население чтит память героев Петропавловска, кровь которых пролита на местах, заросших этой заповедной дубравой.

Пройдя верст пять по бухте, мы увидели и самый город Петропавловск. Он состоит из небольшой группы домиков, построенных на склоне Никольской горы, на берегу маленькой бухточки, служащей заливом Авачинской губы и называемой «Ковшиком». В зелени столетних тополей, посаженных, как говорят, руками Беринга, стоит маленькая деревянная церковь. На левой

стороне бухты устроены здания для складов Товарищества котиковых промыслов и сложена куча сахалинского угля, предназначенного для крейсирующих у Командорских островов двух русских и двух английских военных судов.

В маленькой бухточке, отделенной от другой еще меньшей песчаной косой, называемой жителями «Кошечка», в момент нашего прихода стояло пять судов: два английских военных крейсера, судно компании котиковых промыслов, пароход, доставляющий с Сахалина уголь, и русский крейсер «Якут».

На косе, разделяющей обе маленькие бухты, по повелению Императора Александра III поставлен в 1882 г. командою клипера «Разбойник» памятник «Слава», напоминающий прибывшему о знаменитом отражении англо-французской эскадры 24 августа 1854 г.

Вторая бухта, на правом берегу которой расположен Петропавловск, будучи также тиха, как любой пруд, тем не менее, настолько глубока, что большие морские суда пристают к берегу чуть ли не вплотную. По словам капитана парохода «Freuer», посетившего в течение своей сорокадвухлетней морской службы порты всего мира, лучшей гавани, как этот Ковшик, нет на всем земном шаре.

Недалеко от того места, где мы бросили якорь, устроен казенный склад. Этот склад днем и ночью охраняется часовыми из камчатских казаков. У самого склада устроена будочка, предназначенная для укрытия часового от дождя, снега и ветра.

Камчатские казаки, оставленные в 1855 г. для надобностей земского управления, относят Царскую службу чуть ли не по воинскому артикулу Петра Великого, и никакие воинские уставы последних времен не коснулись камчатской команды. Всякий казак обязан пожизненной службой; только болезнь и совершенная дряхлость освобождают его от нея. Казаки не ропщут на свою судьбу, ибо о других порядках они не слышали, и отношения их к начальству и к службе самые патриархальные. Все казаки имеют свои домики, получают казенный паек, занимаются промыслами. Служба казаков состоит: в нарядах на часы у склада провианта и у порохового погреба, в дежурстве по городу, в сопровождении начальства в его поездках по округу, в охранении лежбища морских бобров у мыса Лопатки и в кратковременных командировках.

На весь Петропавловский гарнизон выдана одна шашка, которая во время стоянки судов надевается дежурными по городу; в складе же на всех казаков, числом двадцать три, имеются и шашки и ружья; но ружья те, которыми обороняли в 1854 г. Петропавловск и которые, будучи оставлены в складе, едва ли когда вынимались.

Любопытен камчатский часовой. Он стоит на часах в камлейке, в торбах; никакого оружия при нем нет; в хорошую погоду он вяжет сеть или ловит рыбу (склад у самого берега), а в дурную, укутавшись в доху, почивает.

К чести Петропавловскаго населения, о воровстве там не слышно, и часовой стоит, как говорил мне окружный начальник, потому, что так полагается.

Камчатские казаки, если не смотреть на них как на воинов, производят прекрасное впечатление. Ведя свой род от завоевателей Камчатки, считая своих отцов в числе героев знаменитой обороны города, они сметливы, смелы, неутомимы, послушны, вежливы и честны. Их домики опрятны снаружи и внутри. У каждого казака есть свое хозяйство, огород, корова, бат (лодка) и неводок. У многих казаков я был в гостях. В беседах со мною они не высказывали никакого неудовольствия на свою судьбу и вообще, насколько я могу судить, довольны своим положением. Служба их не обременительна, и казенные пайки, как мне кажется, считаются ими большим подспорьем, ради которого можно и постоять на часах, и съездить с начальством по округу.

Постройки Петропавловска двоякого типа: беднота построила дома из тополевого леса, а люди имущие — из американского. Американские дома построены собственно из досок, и их стены по своему виду напоминают вагоны. Стены домов имеют двойной ряд досок, между которыми насыпана земля. Лучший дом в городе — это дом, занимаемый окружным начальником. Он построен по плану В. С. Завойко и состоит из шести комнат. Балкон выходит в прекрасный парк (тополевый), посредине которого протекает сильно журчащий ручей. Этот ручей выбегает из Никольской горы и с быстротою водопада, протекая по парку, вливается в бухту. Его водою, чистою как кристалл, приятною на вкус, пользуется все петропавловское население. У ограды парка ручей впадает в деревянный бассейн, служащий и иорданью, и водоемом.

В городе следующие достопримечательности: 1) памятник «Слава», о котором сказано выше; 2) памятник Берингу, основателю Петропавловска; этот памятник поставлен внутри церковной ограды и есть ни что иное, как простая гранитная колонна, два с половиной аршина высоты и пять вершков по диаметру, с крестом наверху; 3) памятник Лаперузу; этот памятник поставлен на перешейке Сигнальной горы и состоит из гранитной глыбы с надписью «Памяти Лаперуза»; 4) часовня, построенная у братской могилы, где с одинаковой честью погребены и русские, и французы, и англичане, павшие в дни обороны Петропавловска. На этой могиле поставлены три чугунных креста с надписями на русском, французском и английском языках: «Здесь лежат герои, верные своему долгу; молитесь о них». В эту часовню 23 августа ежегодно собирается все население г. Петропавловска и его окрестностей к слушанию торжественной всенощной и панихиды по воинам, на брани убиенным.

День же 24 августа празднуется в Петропавловске торжественной литургией, молебном и крестным ходом вокруг города, причем на местах, где в дни обороны были воздвигнуты батареи, крестный ход останавливается, и свя-

щенник читает положенная чином православной церкви молитвы. В этот день по установившемуся изстари обычаю окружный начальник дает обед всему городу, без различия званий и состояний. Вечер же 24 августа празднуется ужином на судах, крейсирующих в камчатских водах.

Город Петропавловск, как известно, относится к числу малолюднейших. Всеми городскими делами Петропавловска ведает городской староста единолично. Староста, между прочим, состоит попечителем городского училища, а ближайшее заведывание училищем находится в руках учителя — человека, окончившаго с отличием С.-Петербургский учительский институт и преданнаго своему делу. В прошлом году назначен учительский помощник, лицо, также получившее специальную подготовку. Успехи детей не оставляют желать лучшего. Я видел их письменные работы, а с некоторыми из учеников беседовал. Как письменные работы, так и ответы учеников свидетельствуют, что их действительно учат уму-разуму.

Помимо обучения грамоте, в школе обучают пению и столярному ремеслу. Столярное же ремесло, как мне кажется, будет иметь огромное значение для края. Камчатка до последнего времени не экспортировала свои рыбные богатства. С 1895 г. компания котиковых промыслов начала практиковать засол рыбы по особому способу, который дает возможность сбывать ее в китайских и японских портах и даже вывозить в Америку и Европу. Сделанные в этом году опыты, хотя и в ничтожном размере, увенчались полным успехом. Главное затруднение предстоит в посуде.

В Камчатке, как известно, никогда никакие ремесла не процветали; даже теперь я видел, как доска выделывается топорами из цельного дерева. Нельзя поэтому не приветствовать обучение столярному ремеслу камчатских мальчиков. Попытка учителя создать в Камчатке ремесла встретила полное сочувствие у начальника округа г. Ошуркова, который, в свою очередь, просит Приморского губернатора П. Ф. Унтербергера о присылке в Камчатку хорошаго бондаря. Есть основание думать, что просьба окружного начальника будет уважена, и что попытка почтенных деятелей Камчатки, в связи с зарождающимся промыслом рыбы, будет иметь важные последствия для захудалого края.

Рыбные богатства Камчатки несметны. Я лично видел, как в течение трех часов один работник с двумя подростками-сыновьями маленьким неводом, не более четырех саженьей длины, наловил 315 больших рыб, в общем, не менее 150 пудов. Рыба же камчатская: чавыча, кижуч, горбуша, хайко и сельдь — на вкус превосходна. Кроме этой рыбы, к западному берегу Камчатки, к селениям Явино и Гольгино ежегодно приплывает треска; ход этой рыбы, продолжающийся с половины июня до конца июля, мог бы служить источником благосостояния всей Камчатки. В этом году, по примеру прошлых лет, прибыли две американских шхуны для промысла трески. Добывая ежегодно до полумиллиона рыб, американцы приобретают огромные барыши.

В этом году окружный начальник попробовал послать в Явино одного казака, поручив ему объявить американцам, что за право промысла следует сначала внести в Петропавловске две тысячи рублей, а затем уже промышленлять. Американцы безпрекословно исполнили требование представителя русской власти, безоружного казака, и внесли требуемую пошлину, которая и препровождена г. Ошурковым губернатору. Этот случай камчатские обыватели комментируют как показатель большой выгоды промысла трески.

Г. Ошурков озабочен эксплуатировать треску без посредства американцев. Он полагает, что если бы был дан для службы в Камчатке пароход, то его стоимость окупилась бы в три года. Как на источник приобрести пароход, можно указать, между прочим, на суммы, из которых ежегодно расходуется девять тысяч рублей на зафрахтование так называемого анадырского парохода, на котором плыл я, получающего эту сумму за рейс на Анадыр и обратно.

Кроме рыбного богатства, можно указать на все данные к самому широкому развитию скотоводства. Камчатские травы, как по своему обилию, так и по питательным свойствам, могут прокормить скот в любом количестве. В настоящее время скота в Камчатке много; есть хозяйства, считающие свое стадо тремя и четырьмя десятками голов, и такие хозяйства не составляют исключения. Скот не пользуется особым вниманием камчадалов, и существует он, так сказать, сам собою. Еды у камчадала много и, помимо молока и скотского мяса, он имеет рыбу, мясо добываемых горных баранов, медведей, уток, гусей, лебедей и проч.

Таким образом, скот, не составляя единственного источника пропитания и не служа предметом торговли за полным отсутствием спроса на мясо, если не считать ничтожную потребность судов и триста душ населения Петропавловска, естественно, не пользуется особым уходом. В течение круглого года коровы находятся на открытом воздухе, и случаи замерзания телят весьма часты. Несмотря, однако, на это, все же скота в Камчатке много, и водится он здесь очень хорошо. Если бы оказалось возможным организовать вывоз продуктов скотоводства, то несомненно, что скотоводство в Камчатке, будучи, как дающее доход, поставлено на более рациональных началах, имело бы важное значение в деле оживления этого мертвого края. Но я уклонился от рассказа.

Перехожу к школе. Помещение школы, к сожалению, не удовлетворяет ее потребностям. Построенное из американского леса, оно представляет одну комнату. Все старания учителя выкроить из десяти аршинов в квадрате пространства две комнаты, в которых можно было бы одновременно обучать два отделения, младшее и старшее, не может увенчаться успехом. На эту зиму проектирована перегородка, а на будущую, говорит учитель, «может, Бог поможет устроиться лучше».

Население Петропавловска состоит из трех групп: чиновники, торгующие и казаки с мещанами.

Казачи и мешчане живут промыслом рыбы, зверя, огородами и работой на судах. Живут небогато, но сыто; если же не встречается среди виденного мною населения Петропавловска людей с так называемым достатком, то тому причиной, как я полагаю, торговцы.

Торговля в Камчатке находится в руках «Товарищества котиковых промыслов» и является, главным образом, меновой, причем предметом мены служит шкура соболя, лисицы, выдры, медведя со стороны потребителя и привозные товары со стороны товарищества. Такая торговля дает огромные выгоды компании и полный убыток покупателю. К несчастью для Камчатки, нет конкуренции.

Двое торгующих в Петропавловске, хотя и платят гильдию, но они, не владея капиталами, кредитуются у компании, суть не что иное, как компанейские прикащики.

А компания берет на свои товары те цены, которые ей вздумается. Так, например, кирпич чаю стоит в компании, в зависимости от времени года, от 60 коп. до 1 руб., то есть, компания берет на наиболее ходовом товаре от 200—300—400 %.

Кроме того, компанейцами практикуется система кредита. Камчадал, задолжавший в компании, впредь до уплаты долга не имеет права продать добытую им пушнину никому, кроме компании. А так как все население Камчатки, без малейшаго исключения, состоит должником компании, то поэтому весь зверь, добываемый на всем полуострове, поступает в склады компании и экспортируется в Лондон.

Всякая шкурка оценивается на деньги, но деньги никогда не выдаются, и взамен их промышленник за соболя, оцененного, примерно, в 25 руб., получает товаров отнюдь не больше, как на 10 руб., считая его по Владивостокской цене и набавляя на эту цену 30 % накладных расходов по доставке товара в Камчатку. Мало того, принес промышленник соболя, ему надо купить чаю, табаку, муки; потребное количество ему дано, но на стоимость соболя он не добрал. Вот, в компании в качестве сдачи существует в компанейском магазине одеколон, духи, помада, консервы и прочие совершенно не нужные промышленнику предметы.

Духи, впрочем, сильно распространены в Камчатке. Молодой камчадал или камчадалка, смазав нерпичьим жиром волосы, считают необходимым sprыснуть свой костюм одеколоном или духами. Пойти в церковь, на «вечорку», или в гости, не надушившись, считается в Петропавловске неприличным. Как на крайне желательную меру, имеющую поднять экономическое состояние Камчатки, указывают на запрещение торгующим меновой торговли, по крайней мере, в Петропавловске.

Окружный начальник Петр Александрович Ошурков и некоторые из интеллигенции Петропавловска, как, например, доктор В. Н. Тюшев, говорят,

что если бы потребовать от «Компании котиковых промыслов» тотчас по оценке пушнины выдачу денег, то это: 1) избавило бы промышленников от необходимости брать то, что ему не надо и 2) дало бы возможность развиться свободной конкуренции, которая в лице двух китайцев уже положила здесь свое начало.

С весны прошлого года в Петропавловске появилась китайская лавчонка. Но дела этой лавчонки идут плохо, ибо пушнину, согласно обязательства, несут в компанию, а денег у населения нет, и китайцы, как говорится, «сидят без почина».

Если бы компанию обязали хоть часть уплачивать деньгами, то многие товары приобретались бы у китайцев, где цена на них вдвое дешевле компанейской.

Лица, многие годы прожившие в Камчатке, полагают, что развитие здесь какого-либо промысла, урегулирование торговли, а главное — начинающаяся в Камчатке грамота, могут служить причиной оживления этой захиревшей в силу исторических обстоятельств страны. Природа, во всяком случае, щедро наделила Камчатку. Даже при таких, совершенно неблагоприятных для нея условиях, все живущие в Камчатке довольны своею жизнью. Абсолютного бедняка в Камчатке нет, и не может быть.

Два дня работы во время хода рыбы и неделя во время ея просушки обезпечивают годовое продовольствие камчадала. Несколько дней охоты на перелетную птицу, на горного барана, водящегося в Камчатке в изобилии, в значительном количестве разнообразят рыбный запас. А скольконибудь удачный промысел соболя, лисицы и другого зверя дает возможность достать чаю, сахару, спирту и даже духов.

Но это дает охота, промысел первобытного человека; если же к охоте прибавить труд культурного человека, выражающийся в скотоводстве, добычании полезных ископаемых, каковых в Камчатке множество, а частью и в земледелии, которое, как доказывают опыты агронома Кегеля, возможно почти во всей Камчатке, а по долине реки Камчатки возможность и польза хлебопашества признана самим населением, то можно придти к выводу, что страна, дающая человеку столько средств к существованию, не должна остаться без внимания предприимчивых людей, что, частью, мы уже ныне и видим.

Существует мнение, что камчатское население живет в страшной нищете и бедности; осмеливаюсь высказать, что это нисколько не так. Был я, например, в деревне Сероглазке, отстоящей в нескольких верстах от Петропавловска. Деревня состоит из пятнадцати домов и по своему расположению напоминает великороссийскую деревню. Постройки состоят из изб, амбаров и бань. Избы, в зависимости от величины семьи, сделаны в два или в один сруб. Если в два, то между ними устроены сени. Избы маленькие, не более шести — семи аршин длины и ширины и трех высоты; освещены окнами.

Всякая хата разделена на две половины: одна из них с печью и служит кухней, а другая, так сказать, парадная. Эта вторая половина непременно оклеена обоями, украшена зеркальцем, картинками; безукоризненной чистоты пол покрыт самодельными циновками из крапивы. В красном углу стоит стол, покрытый чистой скатертью; на столе сложена чайная посуда, покрытая полотенцем. В красном углу, под образами, висит лампада. Все дома Сероглазки имеют такое устройство и такую обстановку.

Когда я пришел в Сероглазку, то вошел в первую хату. Хозяева только что сели за обед. Считаю не лишним сказать о нем несколько слов. На столе, покрытом скатертью, стояла тарелка с нарезанными на ней ломтиками копченого балыка, перед каждым лежала металлическая ложка и ломтик хлеба. Первое горячее кушанье состояло из прекраснейшей ухи, сваренной из свежепойманной чавычи. После ухи ели тушеную с картофелем утку.

Нужно сказать, что уток в Камчатке необыкновенное множество, и утка, также как и рыба, доступна, безусловно, всякому камчадалу. Как на особенность еды камчадала, можно указать, что хлеб у него играет примерно такую же роль при еде, как сахар при чаепитии. Едят, собственно, мясо, рыбу, а хлеб служит приправой. А потому одного или двух пудов муки достаточно для большой семьи на целый месяц.

Пока семья обедала, хозяйка поставила самовар. Я был приглашен в чистую половину, и мне стали подавать чай. стакан чаю подавался на подносе, на котором, кроме сахарницы и молочника со сливками, стояли две тарелки: одна с белым хлебом, а другая с американскими галетами. После чаю мы в сопровождении хозяина пошли посмотреть его «обзаведение». Тут же, при домике, возделан огород, на котором был засажен картофель, репа, редька, морковь. По словам хозяина, он ежегодно выкапывает до 300 пудов картофеля.

Недалеко от хаты построен шалаш, в котором коптилась рыба. Шалаш имеет полуколоническую форму. Посреди шалаша разложен костер из гнилушек; на тоненьких гальниковых прутьях в несколько рядов развешены балыки чавычи. Эти балыки, соленые и не соленые, провисев в шалаше десять дней, делаются очень вкусны. По берегу бухты, прямо против дома, устроены вешала для юкалы; в каждом хозяйстве обыкновенно две вешалы: одна меньшая — для людской юкалы, а другая большая — для собачьей. Юкалы заготавливается множество: столько, сколько нужно для годового запаса; кроме юкалы заготавливают на зиму еще так называемую «кислую рыбу».

Заготавливают ее потому, что рыбы ловится так много, что приготовить всю добычу для юкалы нет возможности; а потому излишек добычи складывают в ямы, в которых рыба загнивает и в таком виде употребляется собаками. Случающиеся в Камчатке голодовки происходят, главным образом, от того, что вешала для рыбы устраиваются непокрытыми. В случае ненастья

рыба не сохнет, а загнивает. В настоящее время по строжайшему приказу губернатора Приморской области местная администрация следит за тем, чтобы вешала делались крытыми.

Близ вешал привязаны езжалыя собаки. У моего хозяина две нарты, то есть двадцать пять собак. Это дает ему возможность зарабатывать за зиму за перевозку купеческих товаров до 200 руб. Кроме извозного промысла, немаловажным подспорьем служит промысел соболя.

Добыча пяти соболей считается средней. Считая камчатского соболя по 15 руб., мы имеем, что Пшенников (фамилия моего хозяина) в течение зимы зарабатывает около 300 руб. деньгами. Если принять во внимание, что у него имеется девять коров, из коих три молочных, что продовольствие у него есть, то нельзя не признать существование моего знакомца обеспеченным.

Остальные обыватели Сероглазки живут точно так же, как и Пшенников. Есть, конечно, некоторая разница в деталях, но о поражающей нищете нет и помина. Достаточно придти в праздник в церковь, чтобы убедиться, что нищеты, по крайней мере, в Петропавловске и его окрестностях, нет. Нужно заметить, что церковь в праздничные дни полна. 16-го июля в воскресенье я был у обедни. Было не менее двухсот человек, считая команду матросов с «Якута». Обращает на себя внимание щеголеватость одежды. Женщины в башмаках варшавской работы, на голове шелковые платки; платья чистенькие, большинство шерстяные. Мужчины также одеты очень хорошо.

Одеяние петропавловцев и окрестных деревень городское. Объясню это тем, что Петропавловск в течение многих лет посещается иностранными судами. В числе товаров суда завозят европейское платье, которое, будучи сравнительно дешево, нашло себе распространение среди камчатского населения. Таким образом, виденное мною привело меня к полному убеждению, что живет камчадалу не так уж плохо, как о том случается читать.

По словам же людей, изъездивших всю Камчатку, население, живущее внутри полуострова, живет с большим достатком, как петропавловцы и их соседи. Там во многих местах сеют и собирают хлеб и живут, благословляя свою судьбу. Правда, что г. Петропавловск на первый взгляд производит грустное впечатление: постройки очень маленькие и многия из них очень ветхи. Но происходит это потому, собственно, что в Камчатке ни плотников, ни столяров нет, и вопрос о постройке нового дома и о капитальном ремонте старого за отсутствием мастеров откладывается из года в год. Строят новый дом тогда, когда старый буквально разваливается.

Но я уже сказал, что это обстоятельство принято к сведению, и приняты вполне рациональные меры к исправлению этого недостатка (разумное обучение школьников столярному ремеслу).

За все время моего пребывания в Камчатке стояла прекрасная погода, и это время оставило во мне самые лучшие воспоминания...

Следующий интереснейший материал, содержащий сведения о нашем городе, относящиеся к маю-сентябрю 1908 г., представлен в виде дневниковых записей генерала М. С. Латернера, несколько раз побывавшего в Петропавловске и его окрестностях в течение навигации 1908 г.

М. С. ЛАТЕРНЕР

ГИДРОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1906—1908 гг. НА «ШИЛКЕ»

...20-е, вторник [20 мая 1908 г., все даты по старому стилю]. ... Окончив завтрак, я вышел на палубу; уже виднелись береговые скалы, а за ними горы, покрытые снегом. Благодаря туману и дождю, вид унылый. Авачинская губа представляет громадный водоем среди скал самой разнообразной формы. Судя по близости к ней действующих еще ныне вулканов, можно думать, что после какого-нибудь громадного землетрясения или ряда их, здесь получился провал, соединившийся с океаном щелью. За это говорят как крутые береговые обрывы, так местами большая глубина губы, большие скалы среди входа в губу — «Три Брата» у маячной горы и «Бабушкин Камень» у противоположного берега, — и оторвавшийся от материка небольшой скалистый остров «Старичков». Наибольшая ширина губы — девять миль. Ширина входа — около двух миль. От внешнего конца маячной горы до устья р. Авачи двенадцать миль. Названные скалы среди входа в губу густо покрыты птичьим пометом, а у подножья их вечный прибой. Как только мы прошли линию этих скал, так получили полный штиль; хотя в океане свежо и большие волны с шумом разбиваются о каменистую гряду впереди маячной горы.

Перед входом в Петропавловский ковш против Сигнальной горы стоит японский крейсер «Kongo», видом своим напоминающий старую владивостокскую брандвахту «Горностай». Когда мы проходили мимо, оба караула вышли наверх и отдали честь, а команды в это время стояли «смирно» на верхних палубах.

Вход в ковш — очень узкий. Его образуют: с одной стороны — Сигнальная гора с далеко отходящею от нея мелью; а с другой — низкая песчаная коса, отделяющаяся от Петровской горы. Для того, чтобы попасть в этот вход, необходимо, не доходя Сигнального мыса, повернуть почти под прямым углом на северо-восток, обойти белый бакен у городского кладбища и вновь повернуть к Сигнальной горе. Пройдя, таким образом, около мили и почти упершись в гору — новый поворот почти под прямым углом и движение около самой горы в обход косы. Этот сильно зигзагообразный путь показывали «Шилке» не только створчатые знаки на Сигнальном мысу, у кладбища и на горе, но белый бакен и шлюпка, шедшая перед нею с промером. Когда

«Шилка» была среди ковша, с нее завезли на берег четыре стальные перлина, и при помощи их она стала подтягиваться к пристани.

Почти на середине длины косы стоит небольшой черный чугунный памятник, воздвигнутый в воспоминание геройских подвигов наших моряков и солдат под начальством адмирала Завойко в 1854 г., и называется он «Памятником Славы». Вблизи памятника, в ковше, кладбище хищнических шкун: от одной торчат из воды две мачты; другая, совершенно сгнившая, лежит на боку; третья затонула наполовину и гонится только на дрова; четвертая выброшена на косу и только пятая еще стоит на воде хорошо...

Мы еще не успели ошвартоваться как следует у пристани, как к нам приехал японский офицер с поздравлением. Он заявил, что *Kongo* все лето будет крейсировать в камчатских водах для охраны котиковых промыслов от японских хищников. Это что-то новое, небывалое. Не скрывается ли тут чего другого? В это же время приехали к нам: помощник начальника уезда Логиновский и доктор Тюшов, а за ними — смотритель маяка и местный купец Г. Т. Подпругин. Логиновский сообщил, что губернатор (В. Е. Флуг. — *Ред.*) с начальником уезда и своим чиновником особых поручений уехал на «Азии» в Тигиль и вернется около 1-го июня. С ними же поехал и генерал Ренгартен.

Подпругин и смотритель маяка остались у нас обедать. За обедом вошли в кают-компанию два священника: старый, родом камчадал, и молодой, уроженец Европейской России. В разговоре мы узнали, что о. Геронтий родился в Нижнекамчатске. Там он выучился грамоте, там поступил в клир и был 25 лет псаломщиком и диаконом и там же уже 25 лет священствует. За все это время он нынче второй раз в Петропавловске и находит, что здесь очень шумно. Ни во Владивостоке, ни в Николаевске-на-Амуре он никогда не был и не собирается туда, находя, что там ему нечего делать, а все изобретения XIX столетия (железная дорога, телеграф, телефон и прочие) его не интересуют. Ему очень понравилась машинка с древесным спиртом для закуривания папирос, и он был сильно огорчен, не получив ее...

21-е, среда. Сегодня я осматривал город. Он невелик: часа достаточно для ознакомления с ним с внешней стороны. Главная масса построек расположена по склону Петровской горы и обращена на юго-запад, меньшая расположена на перешейке, соединяющем Петровскую гору с Никольской и отделяющем ковш от лагуны, находящейся за городом. За лагуной — Мишенная гора. Это — высшая точка окрестностей. Она, как и остальные горы, еще покрыта снегом, на фоне которого резко выделяются темные заросли кедрового сланца. Ольха и береза еще стоят голые.

Авачинский проспект, очень узкая и грязная улица, начинается у лагуны несколькими хатками и кончается почти у кладбища новым двухэтажным домом окружной лечебницы. На этом же проспекте есть еще другой двухэтажный дом — общежитие служащих Камчатского торгово-промышленна-

го общества (КТПО). Остальные дома, как проспекта, так параллельной ему улицы и нескольких переулков, все одноэтажные и различаются между собой только величиной и древностью, а есть и землянки вновь наехавшего люда, не успевшего еще обстроиться. Из одноэтажных домов лучше других дом уездного начальника, стоящий среди десятка старых лип и выстроенный из материала, оставшегося от дома адмирала Завойко. Недавно вблизи полицейского управления выстроен хороший дом для городского училища и дом благочинному. На улицах и пустырях города бросается в глаза масса битаго бутылочного стекла и жестянок от консервов, точно нет других отбросов или те аккуратно прячутся, а эти нарочно оставляются у всех на виду, как эмблема местной жизни. А что жизнь здесь хмельная, то об этом свидетельствует и масса питейных заведений «распивочно и на вынос», и продажа во всех лавках водочных изделий. Единственная японская лавка, и та, кроме готового платья и разной мелочи, торгует и скверным японским пивом. Вывески ремесленников совершенно отсутствуют. Ни гостиницы, ни постоялого двора в городе нет. На склоне Никольской горы, обращенном к лагуне, расположена братская могила. Вблизи ея, на месте, занятом теперь под склады и магазин Чурина, видны остатки фундамента бывших казарм Петропавловского гарнизона, а против них остатки рва и вала батареи, долженствовавшей встретить неприятеля, если бы он вздумал высадиться у лагуны.

На небольшой площади вблизи пристани и полицейского управления стоит Камчатский собор, он состоит из двух деревянных церквей: старой, маленькой — теплой, в которой в течение года служба происходила зимой, и новой, более обширной, но холодной, в которой служат летом. В первой церкви, за ея ветхостью, последнюю зиму не служили, и прихожане поневоле мерзли в новой. В ограде старой церкви памятник купцу Русанову и маленький сруб, покрытый металлическим куполом с крестом, вроде тех, что ставят в Малороссии над источниками, по-местному — «криницами».

В ограде новой церкви три памятника: первый — небольшая круглая чугунная колонна с крошечною, сильно потускневшею медною доской, надпись на которой гласит: «Основателю Петропавловска в 1740 г. мореплавателю Берингу». Второй — низкая четырехгранная гранитная призма с надписью: «У сего места во время крушения судна “Викентий”, 19-го сентября 1870 г., погибла Юлия Зубова со всеми ея спутниками». Очевидно, памятник этот поставлен совсем не там, где предполагалось.

Ближе к алтарю стоит железный крест с медною доской, на которой вырезано: «Протоиерей Петр Аполлинариевич Донской. Родился в Ярославле 21-го декабря 1830 г., скончался в Петропавловске 16-го июня 1902 г., в священническом сане был 49 лет, прослужил из них 26 лет в Камчатке, в должностях настоятеля Петропавловского собора и благочинного камчатских церквей. Мир праху труженика».

Внутри новой церкви много хороших образов, но обращают внимание старые образа: «Бог Саваоф» — над царскими воротами, Спасителя и Божьей Матери — около царских врат и апостолов Петра и Павла — на клиросах. Время доставления сюда этих пяти образов неизвестно. Судя же по тому, что церковь, выстроенная Берингом, сгорела, что на открытых листах книги в руках Спасителя текст славянский без старинных завитков и что вокруг голов апостолов написаны их имена тем же шрифтом — надо думать, что образа эти не старше второй половины XVIII столетия. Приняв же во внимание, что колени у Бога Саваофа согнуты однообразно (он представлен сидящим на облаках), и левая нога совершенно закрыта хитоном, на правой же, выступающей из под хитона, пальцы поставлены в порядке левой — надо думать, что художник был плохой знаток анатомии. Лик Саваофа какой-то детский, с розовыми щеками и розовыми веками, борода же совершенно белая, а усы серые.

Лики Спасителя и Богоматери очень длинные, белые, почти без игры света и тени. Фигуры апостолов приземисты и вульгарны. Если первые три образа сочинены, то эти два, надо думать, писаны с натуры. Все образа писаны на холсте и носят несомненные следы итальянской школы, при чем «Спаситель» и «Божья Матерь» писаны так гладко, что издали кажутся олеографиями.

Среди этой церкви большой образ Александра Невского в хорошем серебряном окладе, сооруженный, как гласит надпись, жителями Петропавловска в память избавления от опасности Царской Семьи 17-го октября 1888 г.

Доктор Тюшов говорил мне сегодня, что одна из наиболее старинных церквей в крае находится в Нижнекамчатске; большинство образов в ней византийского письма, в хороших серебряных ризах. Между ними висит картина, изображающая Петра Великого, в камзоле и ботфортах стоящим на амвоне лицом к народу. За ним открыты царские врата, а перед ним несколько человек в старинных русских костюмах. По нижнему краю картины надпись: «Брады наша иметь не имали».

22-е, четверг. Весь день настолько сильный дождь, что сойти с «Шилки» не было возможности.

Неелов в прошлом году получил от города небольшой участок земли, который хочет передать Морскому ведомству для устройства убежища для морских офицеров. За отсутствием гостиниц и ресторанов, офицерам буквально некуда даваться во время стоянки здесь военных судов, поэтому идея эта заслуживает внимания.

23-е, пятница. Несмотря на дождь, я был в городе и заходил к Логиновскому, чтобы выяснить вопрос о найме помещения у кого-либо из обывателей; но это мне не удалось. Поэтому, а также ввиду заявления Сокольниково о бесполезности первого анадырского рейса, я решил продолжать плавание на «Шилке», о чем и сообщил командиру и гг. офицерам. Они, видимо, очень довольны моим решением.

24-е, суббота. В девять часов утра, когда я кончал свою корреспонденцию, вестовой доложил, что шлюпка готова, и командир сейчас едет на маяк. Экскурсия эта предполагалась еще в пятницу (23-го), но тогда ей помешал дождь и очень свежий ветер. Мы пошли на буксире парового катера, который кроме нас тащил еще две шаланды с грузом для маяка. До «Бабушкина Камня» дошли спокойно. Далее океанская зыбь стала нас покачивать и в обществе с ветром стремилась поставить лагом наши шаланды. В борьбе с ними, в стремлении удержать караван в надлежащем направлении, особенно трудно приходилось рулевому на второй шаланде. Когда мы повернули к небольшой бухточке у маячной горы, огражденной от океана скалами «Три Брата», рулевым стало легче работать, а нас стало меньше качать и обдавать.

Сажень в пятидесяти от берега катер бросил буксир, и мы должны были приставать «по способности». Пристани нет. Прибой и отливная вода препятствовали нашей шлюпке выброситься на мель, поэтому, бросив якорь и повернувшись кормой к берегу, стали табанить, затем приняли с берега конец от ожидавших нас людей и стали подтягиваться. Когда корма уперлась в песок, подали сходни, и два человека, стоя по колено в воде, удерживали их и шлюпку. Смотритель маяка подал мне весло, несмотря на это, я не мог сохранить равновесия и на последних шагах поневоле спрыгнул в воду, и тут меня обдало волной почти по пояс. Оставив галоши в небольшом сарайчике на берегу и вылив воду из сапог, я пошел вперед. Пока я переобувался, смотритель говорил, что в этом месте можно приставать только в отлив, как в данный момент; в прилив же высаживаются миль за пять отсюда, в более закрытой бухточке.

От берега пришлось очень круто подыматься в гору по полотну декавильки (узкоколейной железной дороги. — *Ред.*), протяжением более версты. Я был в фуфайке и ватном пальто сверх форменного одеяния. В этом костюме на воде я чувствовал себя хорошо, на маяк же я пришел совершенно потный, но зато вымоченная волной нижняя часть моего костюма успела высохнуть.

Все склоны маячной горы поросли мелким дубняком и усыпаны вулканическим песком темно-сераго цвета — остаток прошлогоднего извержения неизвестной сопки.

На маяке нас встретила жена смотрителя, простая, но, видимо, радушная женщина. Поздоровавшись и предложив нам пива, она тотчас заторопилась с закуской. Пока она ее приготавливала, А. Ф. Машковцев сделал несколько снимков маяка, С. А. Иванов обревизовал кассу и книги смотрителя, а я осмотрел самый маяк и из окна комнаты вдосталь налюбовался океаном. Маячная башня поставлена сажень в тридцати от крутого берегового обрыва и крытой галереей соединена с жилым домом. Дом двухэтажный, деревянный.

В нем квартира смотрителя, помещение команды, канцелярия и разные кладовыя. На небольшом дворике: баня, сарай и метеорологическая будка.

Несколько в стороне от построек на расчищенной площадке поставлен ручной ворот, при помощи которого втягивают наверх груженые тачки декавильки. Под береговым откосом, далеко в море тянется большой широкий риф с вечным на нем прибоем. В зависимости от погоды он слабее или сильнее, и гул его громче или тише. Сегодня прибой настолько силен, что в доме дрожат стекла, а водяная пена высоко-высоко поднимается над водой.

Приезжие гости бывают здесь очень редко, а поэтому закуска была высокопарадная: несколько сортов водок, наливка, коньяк, пиво, сардинки, маринованная скумбрия, старая московская колбаса, копченая свиная грудинка, яичница с ветчиной и молоко. В другое время смотритель, как и все жители Петропавловска, питается рыбой и голову ея считает деликатесом, консервованные закуски приобретает в магазинах к великоторжественным случаям, а изделия из свинины — от буфетчиков приходящих пароходов.

Яйца считаются в числе консервов, так как они привозятся сюда из Америки или Японии. Только молоко в тех хозяйствах, где держат коров, является предметом постоянного потребления наравне с рыбой. Но с коровами большая возня: их нельзя летом свободно выпускать в лес или поле, так как всегда рискуешь, что оне будут заедены собаками, и нужно почти на весь год заготавливать им сухой корм. Камчадалы не считают нужным летом кормить собак, предоставляя им самим добывать себе пищу.

20-го числа, возвращаясь с «Шилки», смотритель подошел к маячной горе во время полного прилива, почему должен был высадиться милях в пяти от маяка. Идя горами, он видел, как чьи-то ездовыя собаки перегрызли хребет теленку и объедали его еще живого.

Около четырех часов, поблагодарив хозяев за радушный прием, мы отправились в обратный путь.

Тотчас по возвращении на «Шилку», я отправил в управление свою корреспонденцию, а в семь часов с минутами мы уже проходили мимо *Kongo*. Японцы произвели нам салют в 21 выстрел, которого они не сделали при нашем приходе. Мы ответили тем же, причем как у них, так и у нас вся команда была выстроена наверху. Как только прошли «Бабушкин Камень», так спешно стали собирать посуду и мелкия вещи, ибо по состоянию моря видно было, что будет качка. Штурман сообщил в кают-компании, что Шипунский мыс мы должны обогнуть около двух часов ночи...

...4-е июня, среда. Я проснулся около девяти часов, когда «Люцун» уже стоял на старом месте, у пристани, а «Шилка» — в проходе близ белого бакеана. На «Люцуне» за недостатком людей мне не могли дать гребцов для немедленного съезда на «Шилку», и я должен был пойти в полицейское управление, чтобы взять казенную шлюпку. Ни начальника уезда, ни его помощни-

ка в управлении не было. Дежурный казак сказал мне что они — в городском училище. Я пошел туда.

Как только я отворил дверь, то увидел всю местную публику, и среди нея, за большим столом, накрытым красным сукном, губернатора, начальника уезда, городского старосту и учительский персонал. Большая комната, в которой собралась вся эта публика, была украшена портретами Государя и Государыни и girляндами зелени. В момент моего прихода губернатор говорил речь ученикам и ученицам, стоявшим в противоположном конце комнаты. Я понял, что попал на торжественный акт, и теперь, конечно, не время было обращаться к начальнику уезда с просьбой о шлюпке. Я остался на акте. После речи губернатора учитель прочел отчет за истекший учебный год, затем губернатор роздал награды (похвальные листы и книги), причем сверх заготовленных прибавил несколько от себя. После этого дети пропели несколько песен, а о. Иоанн и Логиновский фотографировали гостей и учеников в зале и на воздухе.

По окончании торжества, г. Пиунчик, заведующий училищем, пригласил к себе на обед: губернатора, его чиновника, начальника уезда с женой, священника с женой, диакона, городского старосту, попечителя училища, управляющего КТПО, о. Геронтия и меня. За обедом, между прочим, подавали «чавычу» в разных видах: отварную, заливную, жареную, в пироге. «Чавыча» по вкусу напоминает владивостокскую «горбушу», но суше ея; цвет мяса «чавычи» — розовый, немного темней горбуши. «Чавыча» принадлежит к породе лососевых и считается царь-рыбой Камчатки.

После обеда В. Е. Флуг, Лех, Власьев и я поехали на «Шилку». Визит был непродолжительный, но весьма торжественный. Как водится, подавали шампанское и обменивались тостами. Я с особенным удовольствием поздравил командира и гг. офицеров с благополучным возвращением...

Когда мы возвращались домой, солнце уже склонялось к западу, и красноватые лучи его очень эффектно окрашивали верхи дерев на Сигнальной горе и видневшуюся над ней вершину Велючинской сопки. Так как на деревьях еще много старого осеннего листа, то световые пятна на них особенно горячие. Я не удовольствовался созерцанием этой картины, а сделал этюд ея...

9-е, понедельник. Сегодня я вместе с о. Александром мыл образа «Бога Саваофа» из летней церкви и Его же с символическими фигурами Веры (женщина с крестом), Надежды (женщина с якорем) и Любви (женщина с пылающим сердцем в руках) из часовни на братской могиле. На обоих образах грязь веков. Трех ведер горячей воды с мылом и со скипидаром оказалось мало, чтобы ее смыть. К тому же какой-то неумелый реставратор вздумал покрыть первый образ лаком, но взял для этого не специальный картинный лак, а обыкновенный столярный и разлил его по картине, даже не вымыв ее предварительно. Где лак лег тонким слоем, там он отмылся, на большей же части

картины он лежит толстым слоем и его надо отскабливать; но это делать я побоялся, чтобы не испортить картины. Теперь лик Саваофа несколько ярче, чем был до мытья: вокруг головы показался светлый треугольник; сверху него надпись славянскими буквами: «Бог Саваоф», на животе — летящий младенец; между коленями — другой светлый треугольник, в котором голубь с нисходящими от него лучами. Поэтому образ этот надо было бы назвать «Святая Троица». Подрамник у образа сбит вглухую и имеет еще планку посередине всей картины.

Внутренние ребра подрамника и планка дали на сильно провешенном холсте белые полосы. Краски на образе не только сильно потрескались, но местами сильно облупились. Сквозь эти цвета виден холст. Он — тонкий, одинакового коричневого цвета с обеих сторон. Это заставляет думать, что холст не был грунтован, а только промаслен. Слой краски в письме очень тонкий и письмо гладкое. Размер образа 174 на 141 см. На втором образе (с братской могилы) холст стал уже гнить и дал темные полосы вдоль картины. Образ этот, как говорят, пожертвован Голенищевым, бывшим начальником Камчатки, в двадцатых годах прошлого столетия. Первоначально он стоял в единственной в то время церкви, когда же ее перестроили, а иконостас перенесли в часовню на братской могиле, то туда же перенесли и этот образ.

Теперешняя зимняя церковь, в которой за ветхостью не служат, поставлена сажен на десять севернее первой. Алтарь бывшей Голенищевской церкви отмечен круглым домиком с металлическим куполом, какие ставят в Малороссии на криницах. Непосредственно к этому домику с запада примыкает могила жены Голенищева. Над ней — четыре сгнившие бревна, покрытые досками, и большой медный лист в виде полуцилиндра. На этом листе вырезана следующая надпись:

«Здесь покоится прах Ея Высокоблагородия Веры Васильевны Голенищевой, драгоценной мужу, детям и сестре ея. Жила в сем мире 30 лет, 1 месяц и 28 дней. В замужестве была 2 года, 9 месяцев и 10 дней. Прешла в вечность 1829 года, 15 Ноября, пополуночи в 1¹/₄ час, оставив мужу-другу для утешения в жизни сей двух сынов малолеток: Василия 2 лет 18³/₄ часов, Николая 1 месяца 29 дней 18¹/₄ часов. Где Вера, друг мой? Где, где она? Оставила лить слезы горести отца с малютками детьми, сама отошла туда к Творцу вкусить добра творимаго ею здесь награду. А вечно драгоценный прах твой для меня сокрыт под хладным камнем сим. Быть может, милостив Творец, Он мне награду подает у ног твоих почить, а ты живущий здесь еще при Вере с Надеждою и Любовию творя добро ты вкусишь тамо то, что смертным здесь от века выдать не дано. 1829 года декабря 8 дня осиротелый Аркадий Голенищев».

*Взлеянной в стенах столицы знаменитой
Пришедшей в дальний край, чтоб в нем добро творить
Чтоб бедным другом быть, чтоб сирым быть защитой
Увы. Судил Творец так рано, смерть вкусить.*

*И где ж? В такой дали от родины священной.
Средь этих диких гор. Вот праведный удел,
Удел достойнейший Религии смиренной.
Она свершила то, что Бог ей повел...*

Ниже этой могилы другая, принадлежащая той же семье, но на ней, кроме нескольких обломков брусьев, нет ничего.

В зимней церкви обращают на себя внимание два образа: Св. Петра и Казанской Божьей Матери с Николаем Чудотворцем, Иннокентием Иркутским и Св. Петром и Павлом. Оба образа — в серебряных ризах. Первый размером 60 на 91 см значительно старше второго и, как гласит надпись: «Обложением украшен тцанием и по обещанию флота лейтенанта Дмитрия Овчина и всех служителей, спасшихся с пустого острова и достигших Камчатского берега в 1742 г., августа месяца».

Надпись вырезана по-славянски внизу оклада, перевод ее на гражданский язык написан чернилом на задней стороне. Риза на образе со многими заплатами. По уверению диакона, образ был испорчен англо-французами в 1854 г., которые тогда же увезли с собой совершенно такой же образ Св. Павла. Образ Св. Петра — остаток второй экспедиции Беринга, с его разбившагося корабля. По словам Г. Т. Подпругина, несколько лет назад покойный ныне Гребницкий чуть-чуть не уговорил общество г. Петропавловска уступить этот образ за 300 руб. селу Никольскому на о-ве Беринге, но Подпругин протестовал, говоря: «Жида продали Христа, а мы продадим его Апостола», и образ остался там, куда был привезен лейтенантом Овцыным; образ Божьей Матери несколько больше первого (143 на 90 см), работы русских мастеров половины прошлого столетия.

В нижней его части изображен Петропавловск того времени; причем все дома и казармы — с ярко-красными крышами. Под картиной по белому фону красною краской написано: «Отражение неприятеля от Петропавловскаго порта и города 1854 г., августа 24-го дня, участвовавшими в сем деле офицерами и волонтерами под начальством контр-адмирала В. С. Завойко».

На левом клиросе зимней церкви установлена небольшая икона «Святая Июлия мученица». Серебряный оклад только по краям, в виде рамки с орнаментом. На нижней стороне рамки вырезано: «Образ сей написан в память усопшей рабы Божией Июлии, супруги начальника Камчатки, Капит. 1 ранга Рос. Гра. Машина, урожденной Княжниной, родившейся 1825 г., июля 6-го дня, умершей 1850 г., марта 30-го, погребенной в соборном приделе Св. Веры, Надежды и Любви в Петропавловском порту. Приношение от Р. Г. Машина». Места погребения Машиной теперь совершенно не видно; судя же по этой надписи, оно должно быть рядом с могилой Голенищевой.

В разборе надписи на могиле Голенищевой и в фотографировании образов Бога Саваофа и Св. Петра мне помогал Н. П. Брио, студент Москов-

скаго университета, приехавший сюда на лето с товарищем, родственником Г. М. Чупятова. Он, между прочим, очень благодарен случаю, подтолкнувшему его приехать сюда, так как, говорит, здесь он отдыхает от треволнений московской жизни.

В часовне на братской могиле службы нет, так как в 1905 г. она была осквернена японцами и вновь еще не освящена. Ранее в ней служили два раза в год: на Александра Невского и Петра и Павла. Ежегодно 24-го августа совершается крестный ход из новой соборной церкви на косу к памятнику «Славы», а оттуда по Никольской горе к братской могиле. На этих трех местах служат панихиды.

По окончании работы о. Александр показал мне старинное Евангелие, хранящееся в церковной библиотеке. Оно форматом в четвертую долю листа. Бумага — желто-серая, тонкая, но очень плотная, вроде китайской, с водяными полосами. Шрифт — славянский (кириллица) с множеством красных заглавных букв и орнаментальных заставок. Каждому Евангелию предшествует оглавление, особое послание и изображение евангелиста. В начале книги находится особое обращение к читателю, из которого видно, что книга печатана в Москве при царе Михаиле Федоровиче и патриархе Кир-Иосафе («И тако начата бысть печатати сия Богодухновенная книга евангелие в царствующем граде Москве, в лето седьм (1639) тысяч 147 месяца, Июля 16 день, в память святого священномученика Анфиногена. Совершено же бысть в лето седьм (1640) тысяч 148 месяца генваря в 19 день на память преподобнаго отца нашего Макария Египтянина в 27 лето благочестивыя державы царств его, государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всея руси и при сыне его Благоверном Царевиче князе Алексие Михайловиче, в 7 лето патриаршества отца их и богомольца Кир Иосафа патриарха Московскаго и всея Руси».)

Книга заключена в деревянный переплет, оклеенный малиновым бархатом. На лицевой стороне переплета — четыре серебряные наугольника (один потерян) с резными изображениями евангелистов, а в середине — такой же медальон с выгравированным распятием, несколькими фигурами и городскими башнями и стенами. Кем и когда эта драгоценная книга завезена сюда — ни священник, ни диакон не знают.

По окончании этой работы я пошел в полицейское управление посмотреть доску с надписью, которую в 1904 г. майор японской службы Сечу-Гундзя повесил в селении Явино. Известно, что Сечу-Гундзя когда-то служил в военной службе, а выйдя в отставку, занялся, под предлогом колонизации Курильских островов, хищничеством у восточного берега Камчатки. С начала войны он со своими сподвижниками несколько раз нападал на почти беззащитные селения западного берега. В один из таких случаев он и повесил в селении Явино эту доску. Она размером 12 на 15 вершков, под стеклом, в простой белой раме. Надпись гласит: «Смысло на этой тын писаных слов:

именно эта земля уже принадлежит Японии, поэтому кто, того трогает это тын будет убит. Командир японской войска Сечу-Гундзя». (Эта доска ныне хранится в Камчатском государственном объединенном музее. — *Ред.*)

Сотников с товарищами, отразив нападение японских хищников на западный берег, снял доску и от себя сделал на ней приписку: «Снята 17 июля 1904 г. М. Сотников, с. Явино». Сотникову удалось даже взять в плен Сечу-Гундзю, доктора и нескольких матросов, и до конца войны они содержались здесь в качестве военнопленных. По рассказам жителей, Сотников, видя малочисленность своего партизанского отряда и невозможность за распутицей скоро попадать в разные места побережья, прибег к хитрости и после занятия японцами селения Явино послал к ним своего помощника, бывшего каторжника, с заявлением, что он признает японское господство и передается им, а так как в его войске много больных, то он просит Сечу-Гундзя прийти вместе с доктором. Гундзя с доктором пришли к указанному месту и были схвачены там людьми Сотникова. . .

После обеда мы с Б. А. Ренгартеном сделали хорошую прогулку по Никольской горе. Мы взошли на нее по узенькой тропинке от «братской могилы» и спустились в седловину между нею и Сигнальной горой. Вся гора покрыта лесом (береза, ольха и кедровый сланец), который петропавловцы считают заповедным. В ямах и распадах еще много снега. Склон горы к Авачинской губе скалистый, не менее 45°. Надо удивляться, почему в 1854 г. англо-французы выбрали его местом приступа на Петропавловск. Благодаря этой, в тактическом смысле, крупнейшей ошибке, адмиралу Завойко было сравнительно легко отразить приступ, занимая своими небольшими силами вершину горы. В седловине — пороховой погреб и памятник Лаперузу. Погреб вырыт в склон Сигнальной горы и охраняется казаком, который при нашем приближении встал с завалинки, на которой сидел, и отдал воинскую честь. Памятник стоит у подошвы Никольской горы и имеет круглый цоколь, как мельничный жернов, из сераго гранита, на который положены громадный булыжник, охваченный цепью, и якорь. Одна сторона булыжника несколько обточена и на ней вырезано: «Память Лаперуза 1787 г.».

Вечером я был у Леха. Он удивился, узнав, что Козельская сопка дымит. По его словам, постоянно дымит Авачинская сопка, а Козельская считается потухшей.

В прошлом году был здесь итальянский крейсер *Marco Polo*. Он стоял на том месте, где теперь стоит *Kongo*. По словам Леха, жена командира сделала масляными красками очень хорошие виды города и озера.

Сегодня заходил ко мне Брюю, и мы условились каждое утро заниматься чтением старого Евангелия для сравнения его текста с текстом новопечатного Евангелия, издания нашей Синодальной типографии, дабы самим убедиться в разнице текстов этих Евангелий.

13-е, пятница. В восемь часов вечера пришли «Командор Беринг» и «Азия». Первый — охранный пароход Министерства государственных имуществ, второй — частный пароход графа Кайзерлинга. На первом плавает чиновник, именующийся «заведующим рыбными промыслами». По мнению публики, пароход этот прибыл с большим опозданием, так как весенний ход рыбы, начинающийся с апреля, уже кончился, и хищники имели возможность наловить ее в желаемом количестве.

Командир парохода с этим не согласен и говорит, что они пришли даже слишком рано. На этом пароходе прибыл из Владивостока горный инженер Нацвалов, долженствующий заменить француза Бруара в концессии Прозорова между Укой и бухтой барона Корфа. «Азия» была уже здесь, и отсюда она пошла в Гижигу, Тигиль, Олу, Охотск и Аян. Она развозила по этим портам грузы фирмы Чурина, а в Олу возила казенный груз, муку, соль и прочее для Колымского края. В первые два пункта она зашла и сдала грузы; в Олу и Охотск не могла зайти из-за льдов, хотя они значительно южнее Гижиги.

На обратном пути она вновь заходила в эти два порта, но те же льды ее не пустили. Вследствие этого Колымский край, снабжающийся товарами через Олу, предстоящей зимой может оказаться в критическом положении. На «Тунгусе», который зайдет в Олу в августе или сентябре, будут тоже товары для Колымского края, но другие. По словам лиц прибывших на «Азии», в Тауйскую губу нельзя было проникнуть далее Ольского острова, а юго-западный берег Охотского моря так забит льдами, что к Шантарским островам совершенно нельзя подойти.

Сегодня Ренгартен приглашен к Леху на «винт», я же, как не играющий, должен буду занимать дам. Это уже не первая вечеринка. На каждой моя роль — одна и та же. Каждая вечеринка кончается игрой в «макао», именуемой здесь «девяткой». Это, кажется, единственная азартная игра, которую знают в Камчатке; по крайней мере, когда я называл «банчек», «железную дорогу» и другие, местные интеллигенты отзывались неведением их. По поводу этих вечеринок надо сказать, что они устраиваются с исключительной целью дать возможность морским офицерам провести несколько часов вне корабля. А так как они, несомненно, причиняют значительные хлопоты г-же Лех, то идея Неелова устроить здесь морской дом заслуживает серьезного внимания.

14-е, суббота. В два часа вернулся «Люцун», оставив губернатора и его чиновника в Усть-Камчатке. «Котик» будет там только сегодня и, сдав груз, пойдет на Командорские острова, откуда придет сюда только около 1-го июля. Таким образом, если я хочу ехать с губернатором по Камчатке, то мне предстоит сидеть здесь еще не менее двух недель.

Сегодня я встретил у смотрителя городского училища г. Нацвалова, который рассказывал, что «Командор Беринг» попал в Великом океане в та-

кой сильный шторм, что командир предупредил его по секрету о месте нахождения спасательных кругов. Их клало на один борт до 40°. Морские офицеры, которые слышали это уже от других, говорят, что при такой качке пароход мог легко перевернуться, и спасла от гибели его простая случайность. Пароход этот, как и другой охранник, «Лейтенант Дыдымов», крейсерающий в Охотском море, совершенно не приспособлен к северным плаваниям. Оба они — с малым углублением и оба сильно обужены, поэтому малоустойчивы.

15-е, воскресенье. После обеда семья Леха, девица Навак, С. А. Иванов, Ренгартен и я ходили в деревню Сероглазовку. До деревни считают четыре версты; судя же по тому, что в первый путь мы шли почти два часа, а назад полтора, я думаю, что это расстояние больше. Казак же, к которому мы заходили отдыхать, уверял, что в дни его молодости расстояние мерили цепью, и тогда от бывшей казармы (теперь магазин Чурина) намерили три версты и 375 сажен.

От братской могилы дорога идет по Никольской горе; затем по отмели, отделяющей озеро от Авачинской губы и далее по склонам Мишенной горы. Весь путь мы слышали пение маленькой птахи, называемой здесь «чавычулька» (птичка из семейства вьюрковых, *Carpoilacus erythrinus*, Pall, звукоподражательно называемая в других частях России чечевицей, «тришку вижу» и прочим).

Она, собственно, не поет, а говорит речитативом: «чи-у-ичь-ю вид-ел, ти-у». В народе существует поверье, что вслед за прилетом этой птахи идет рыба «чавыча», самая большая и самая вкусная из здешних лососевых пород; с окончанием же хода рыбы улетает и птаха. Насколько можно было рассмотреть эту птаху при ее перелетах с куста на куст — она не больше воробья, с маленьким клювом, вся серая; кажется, на шее у нея есть белый галстучек, а темя и затылок — черные.

Селение Сероглазовка расположено на самом берегу Авачинской губы, имеет не более тридцати дворов и населено исключительно камчатскими казаками.

Последние три дня здешние обыватели усиленно заняты своими огородами: ранее, говорят, нельзя было сажать рассаду, так как по ночам бывали еще морозы. Сегодняшнею ночью тоже у многих померзла рассада моркови, редиски и репы...

17-е, вторник. Утром пришел из Владивостока «Манджур» для такой же охранной службы, какую несет «Шилка», но так как он имеет небольшие угольные ямы, то рейсы его будут непродолжительны — не более двух недель каждый. Он привез российскую почту за март и май.

В два часа «Азия» ушла во Владивосток с заходом в Хакодате. На ней ушли: Ренгартен, Одолин, доверенный фирмы Чурин, старуха Семенова

(мать Логиновской), оба здешние священника, диакон и еще несколько мне незнакомых лиц.

Вследствие отъезда всех духовных лиц, 29-го июня, в день престольного праздника, службы в соборе не будет, не будет крестного хода и обычного торжества. Мысль об этом сильно удручает жителей.

Перед вечером я ходил на озеро писать этюды. Был довольно сильный северный ветер, сидеть на одном месте было трудно, и я пошел посмотреть на лов рыбы. Способ закидывания невода — тот же, что и во всей России, и самый невод ничем не отличается от употребляемых на петербургских тонях и в других местах. Когда невод несколько выстоялся, то взрослый мужчина и парень лет пятнадцати стали выбирать его морской конец, а за береговой его стал удерживать мальчик лет десяти. Видя, что последнему работа не под силу, я взялся за палку и держал до тех пор, пока весь невод не был выбран.

В это время солнце уже совершенно село. Вытащив бат на берег и разложив сеть на песке, рыбаки собрали добычу и пошли домой. Дорогой взрослый мужчина сообщил, что он — оренбургский казак, переселившийся в 1896 г. в Южно-Уссурийский край. В Камчатке он живет уже второй год и находит, что работающему человеку здесь очень хорошо. Он недавно женился, купил себе домик за 30 руб. и уезжать отсюда не думает.

Вечером был у меня Петр Николыч Косыгин, наистарейший петропавловский обыватель. Отец его, киренский мещанин, в двадцатых годах прошлого (девятнадцатого. — *Ред.*) столетия переселился в Охотск, но прожил там очень недолго и перебрался на Камчатку. Здесь он женился и в конце тридцатых годов поехал с семьей в Гижигу, но и там почему-то не устроился, а скоро вернулся в Петропавловск, где и обосновался окончательно. Семья Косыгиных в настоящее время состоит из четырех братьев.

Старший, Петр Николыч, имеет 74 года от роду и женат третьим браком на сестре казака Юшина из Тигиля. Он каждое лето живет на солеварнях, где у него имеется хозяйство, и в город наезжает очень редко, зиму же проводит в городе. Остальные братья занимаются торговлей и живут: один в Тигиле, а два в бухте барона Корфа. Он хорошо помнит Петропавловск с 1843 г. и утверждает, что диакон неправильно сослался на него насчет образа Св. Павла, тождественного образу Св. Петра. Такого никогда здесь не было, и он никогда не говорил диакону, что образ Св. Павла увезен французами, а образ Св. Петра ими попорчен. Второй образ один раз отправляли во Владивосток для починки ризы, испортившейся от времени, но не от французских штыков.

По рассказам стариков, первая церковь в Петропавловске стояла несколько ниже теперешней летней. При П. Н. ее уже не было, а стояла большая церковь, именовавшаяся собором, рядом с теперешнею зимнею церковью и отчасти на ее месте. К первым годам деятельности американской фирмы «Коль и К^о» эта соборная церковь пришла в полную ветхость, и поэтому

первый управляющий фирмы выстроил новую, теперешнюю летнюю, из остатков старого собора сложил теперешнюю зимнюю церковь, а придел «Веры, Надежды и Любви», в котором были похоронены жена Голенищева и жена Машина, перенесен к озеру на братскую могилу, в церковь, поставленную там Филиппеусом. Эта последняя церковь была заготовлена в Охотске для постановки в устье р. Тигиль, но буря помешала ее там выгрузить.

По словам П. Н., главные образа теперешней летней церкви: Бог Саваоф, Божья Матерь, Спаситель, Св. Петр и Св. Павел находились в первой церкви города Петропавловска, и, как говорили ему старики, писаны здесь одним и тем же лицом. В сороковых годах образ Бога Саваофа был такой же темный, как и теперь. Образа теперешней зимней церкви привезены сюда при Завойко. Образ Св. Петра, привезенный сюда лейтенантом Овцыным, стоял сначала у трапезы, а затем, по перестройке старого собора, поставлен на правом клиросе, где я его и видел.

В старые годы, при парусном флоте, рыба забивала ковш и наполняла всю Авачинскую губу; паровые же суда сильно загрязняют места стоянок, и поэтому теперь в ковш рыба совсем не заходит, а в губе идет фарватером к устьям Паратунки и Авачи и отчасти держится в бухте Тарья, где пароходы бывают редко. Уменьшение количества рыбы отражается на благосостоянии жителей, и теперь приезжие, имеющие иные источники доходов, живут часто лучше туземцев.

Часов в десять вечера вестовой подал мне две визитные карточки «Семена Васильевича Стрельникова», с надписью на них карандашом; на одной: «Честь имею преподнести вашему высокопревосходительству от своих трудов, казак-защитник Порт-Артура», на другой: «Всепокорнейше прошу ваше высокопревосходительство не оскорбитесь». Выйдя на кухню, я увидел в праздничном костюме того самого мужчину, который при мне ловил рыбу; в корзине у него было три рыбы. Он мне повторил написанное на карточках.

Я поблагодарил, спросил, сколько ему следует. Он удивленно, а, пожалуй, даже обидчиво, заявил: «Ничего, это ваш пай за помощь». Я еще раз поблагодарил и налил ему большую рюмку коньяку, которую он тут же и выпил, а затем обратился ко мне с разными вопросами о порядке перечисления из Уссурийского в Камчатское войско. Я, конечно, разъяснил, что мог, и в свою очередь задал ему несколько вопросов. Между прочим, я просил его откровенно сказать мне, кого здесь называют «мурками»? «“Мурками” называют здесь всех приезжих», — сказал он. — «Значит и я “мурка”»? — Улыбаясь и конфузясь, он ответил: «Точно так».

18-е, среда. Несколько дней назад городской староста обещал мне дать на просмотр «Отчет Петропавловского городского управления о приходе и расходе городских и общественных сумм за 1907 г. и «Статистические сведения по городу Петропавловску-на-Камчатке к 1-му января 1908 г.».

Сегодня письмоводитель городского управления принес их мне, а я занялся просмотром их. Документы эти не объемисты: первый на листе, второй — на полулисте; но очень занимательны. Например, между статьями расхода городских сумм значится: «За исправление мостов, очистку улиц и содержание в чистоте города 55 руб. 70 коп.; за квартиру, занимаемую городским управлением, за помещение для городских собраний, за отопление и освещение и другие мелкие расходы 226 руб.; на канцелярию 119 руб. 77 коп.; разных расходов 94 руб.».

Между расходными статьями попалась и приходная: «Погашаются документы, по коим получены деньги 1 000 руб.»). Этих и других расходов в течение 1907 г. было 3 315 руб. 47 коп. «Остается к 1-му января 1908 г.: документами 1 000 руб., деньгами 732 руб. 33 коп.». Итого 14 077 руб. 80 коп. (?)

В отделе «Общественных сумм» в статьи прихода попала запись: «Выдано заимообразно под документы 2 628 руб. Всего в приходе общественных сумм значится 6 684 руб. 66 коп., из коих: документами 1 300 руб.; наличными деньгами 1 195 руб. 53 коп. Между статьями расхода «общественных сумм» показано выданными заимообразно под документы 2 288 руб. или менее против соответствующей записи в приходных статьях на 340 руб. Рядом стоит: расходовано расписок, по коим получено 1 655 руб. Уплачено за квартиру, занимаемую городским управлением, за отопление и освещение 28 руб. 40 коп.; израсходовано на канцелярию 3 руб. 18 коп. Арифметически итог расхода «общественных сумм» подбит верно: 4 189 руб. 13 коп., но он превышает действительный расход на $(1\ 655 - 340) = 1\ 315$ руб.

Критиковать отчет далее нет возможности, так как в нем почти все записи сделаны неправильно. В действительности, к 1-му января 1907 г. состояло «городских сумм» 9 807 руб. 75 коп., в течение года поступило 1 020 руб. 25 коп.; израсходовано 915 руб. 47 коп. В остатке к 1-му января 1908 г. 9 912 руб. 53 коп. «Общественных сумм» к 1-му января 1907 г. 909 руб. 79 коп.; поступило в 1907 г. 864 руб. 87 коп.; израсходовано 223 руб. 63 коп., в остатке к 1-му января 1908 г. 1 651 руб. 3 коп.

«Безграмотность» отчета оправдывается, по словам Чупятова, отсутствием в Петропавловске хорошо грамотных лиц. Вступив в нынешнем году в должность старосты, он пригласил для неофициальных занятий в городском управлении местного диакона. Благочинный (или исправляющий должность?), узнав об этом, нашел такое совместительство неудобным и воспрепятствовал диакону эти занятия.

«Статистические сведения», по словам Чупятова, верны только с некоторым приближением, так как никто из жителей не обязан давать городскому управлению сведения, и собираются они разспросным путем, причем от лиц, проживающих на заимках и летовках, их получить почти не удастся. Из этих «сведений» видно, что к 1-му января 1908 г. в г. Петропавловске было

три церкви, церковных зданий три, казенных зданий три, обывательских домов 69, жителей: мужчин 191, женщин 160. Лошадей одна (у фирмы «Чурин и К°»). В нынешнем же году на пароходе *Varg* доставлено КТПО 14 лошадей), собак ездовых 589, рогатого скота 60. В 1907 г. родилось: мужчин 12, женщин девять; умерло: мужчин пять, женщин одна.

Сегодня я рассказал Подпругину вчерашний случай с казаком Стрельниковым. Подпругин объяснил, что между камчадалами существует обычай выдавать помощникам их пай не только в рыбной ловле, но и на охоте. Для рыбалки всегда нужно несколько человек; невод же обыкновенно принадлежит одному. Хозяин невода получает половину и более всего улова; остальное количество рыбы делится на «пай», пропорционально помощи каждого. Точно так же и на зверовой охоте: тот, кому принадлежит зимовье или баня, и кто снабжает остальных нужными припасами, получает львиную долю всей добычи, остальные — пропорционально их работе.

20-е, пятница. Около девяти часов утра ко мне заходил Подпругин и сообщил, что Мутновская, иначе Поворотная, сопка дымит. Тут только я понял, что кучевое облако, виденное мной влево от Велючинска при совершенно ясном небе, есть ни что иное, как вулканические пары. Я тотчас пошел к городской больнице, откуда особенно ясно было видно облако и под ним синяющая вершина сопки, и сделал этюд этого интереснаго явления. Все время работы облако не двигалось; только верхний край его местами расплывался по небу, а нижний временами то уширялся, то суживался. Подпругин, много охотившийся в свое время в окрестностях этой сопки, говорит, что она имеет 18 кратеров, из коих некоторые величиною в Петропавловский ковш.

Сегодня первый жаркий день (наибольшая температура воздуха +30,5 °Ц, наименьшая +10 °Ц), притом полное безветрие и совершенно ясное небо. Петропавловская публика, а в особенности дамы, уже давно надели летние костюмы, я же только сегодня надел летний китель. В семь часов утра стрелка анероида показывала 764 мм и весь день продолжает постепенно падать.

21-е, суббота. Сегодня утром я вновь пошел посмотреть, что делается с Мутновскою сопкой. Оказалось, что только легкий дымок выходит из правых кратеров и разстилается в сторону Велючинска. Пока я гулял по кладбищу, слегка задымился левый край сопки; но скоро дым прекратился.

На кладбище я сфотографировал памятники: князя Максutowa, раненаго 24-го августа 1854 г. при защите Петропавловска и затем умершаго от ран, и восьми матросов транспорта «Кольма», утонувших в прошлом году в устье р. Озерной. По рассказам С. А. Иванова, командовавшаго тогда «Кольмой», на берег была спущена восьмерка с офицером. Ко времени возвращения людей на судно стало свежить: люди не справились с прибоем и приливом; шлюпку перевернуло, и все матросы утонули. Тела их выбросило на берег. Когда погода стихла, их взяли на судно и доставили сюда для

погребения. Спасся только один офицер, которого удачно выкинуло волной на берег. (Фрагмент креста, установленного на могиле моряков «Колымы», ныне представлен в экспозиции Камчатского государственного объединенного музея. — *Ред.*)

Между другими памятниками обращает на себя внимание невысокая деревянная пирамида. Надпись, выбитая на железном листе, гласит, что некий Бородин спешил к своей Даше, но в живых ее не застал. Кладбище совершенно запущено. Видимо, за ним нет никакого присмотра, и из 55 руб., употребленных в прошлом году на «содержание в чистоте города», на него не перепало ни копейки. Коровы гуляют здесь так же свободно, как по всей Петровской горе, и я встретил матроса с «Шилки», собиравшего свой скот. Вид с кладбища на вход в Авачинскую губу при сегодняшнем ясном небе, совершенно зеркальной воде и ярких желтых пятнах береговых откосов, очень красив.

Возвращаясь с кладбища, я встретил младшего сына Подпругина Мишу, мальчика лет двенадцати, которого просил поймать мне чавычулку, но он отказался, заявив, что ни он, ни его товарищи птицеводством никогда не занимались и делать этого не умеют. Я ему рассказал несколько способов, которые помню еще из своего детства, но он все-таки отказался.

После завтрака на «Шилке» Машковцев пошел ко мне. Дорогой мы обратили внимание на большие кучевые облака, закрывавшие верхнюю треть Коряцкой сопки. Они были без движения, и только по низу их проходили маленькие рваные тучки. Через час, когда мы шли обратно, форма облаков и цвет их были почти те же. Сопка эта считается действующей, и поэтому можно думать, что происходит извержение паров.

В пять часов я пошел на озеро (лагуна) писать этюды. Вершины Козельской и Авачинской сопки покрыты легкими облачками, постоянно меняющими свой цвет и вид, а Коряцкая сплошь закрыта облаками. Когда над первыми двумя облака более или менее расходились, то видны были струйки дыма, выходявшие из расщелин скал.

23-е, понедельник. Утром ушел «Манджур», а в полдень «Люцун». Первый пошел в крейсерство, а второй — в Николаевск-на-Амуре и повез в распоряжение японского консула команду и рабочих с арестованной шкуны. Очевидно, гг. командиры некоторых наших судов не придерживаются предразсудка старых моряков не выходить в море по понедельникам и пятницам.

25-е, среда. ...Сегодня начальник уезда при мне докладывал губернатору, что чиновник Министерства государственных имуществ, бывший недавно на «Командоре Беринге», разъяснил, что местные жители могут продавать рыбу кому хотят, но японцы покупать ее не могут. Спрашивается: как поступать жителям, когда нет других покупателей? В прошлом году местный купец Чупятов (он же городской староста) скупил рыбу у жителей и пере-

продал ее японцам. Заведывающий рыбными промыслами запретил эту продажу и хотел арестовать всю рыбу, но уездный начальник и командир нашего крейсера отказались ему содействовать. Дело перешло в Хабаровск, в Управление государственных имуществ, и до сих пор решения нет...

27-е, пятница. В семь часов утра В. Е. Флуг, Лех, Власьев, Тюшов и Викентьев пошли на «Котике» в Тарьинскую губу выбирать место для нового поселения. На том же пароходе поехали, прогулки ради, семья Леха, семья Тюшова, С. А. Иванов, горный инженер Круг и я. Через час пароход остановился против бывших консервного и тукового заводов КТПО. Тотчас Василий Егорович с сопровождавшими его лицами и я сели в шлюпку и паровой катер и пошли в Култук (наиболее вдающаяся в материк узкая часть бухты).

Шли около часу. Когда остановились, все пошло осматривать и вымерять площади, а я остался на берегу писать этюд. Ближайшие берега бухты покрыты, точно пушистым ковром, зарослями низкорослой ольхи, корявой березы (Эрмана) и высокою густою травой; далее — береговой горный кряж с остатками снега на вершинах и в оврагах. Правее его, на горизонте, синее другой кряж, выше первого и более его покрытый снегом. Вода спокойная; небо затянуто дымкой; жарко. Здесь мы пробыли около часу. На обратном пути губернатор решил остановиться в «Сельдяной» бухте у могилы адмирала Прайса, чтобы осмотреть еще одно место. Адмирал Прайс командовал в 1854 г. английскою эскадрой и потерпел неудачу у Петропавловска, почему тогда же отравился или застрелился. С тех пор каждое английское судно, проходящее в Петропавловск, считает своим долгом положить на могилу камень со своею надписью.

Высадив Василия Егоровича и спутников на берег, я на паровом катере вернулся несколько назад и сделал второй этюд: тихая серовато-голубоватая вода, на ней небольшой островок Хлебалкин, поросший корявою березой: точь в точь островок в Японском архипелаге; мгла застилает противоположный берег Авачинской губы, и он кажется низким и синеватым; за ним чувствуется массив Коряцкой сопки с отходящим от него влево горным кряжем, котораго из-за мглы не видно, а там высоко, где мгла расходится и сливается с цветом неба, на каком-то неопределенном сероватом фоне, ярко блестит покрытая снегом вершина этой сопки.

Возвращаясь на пароход, я заметил на берегу большое общество, из котораго мне кто-то махал платком. Приблизившись, я увидел все наше общество с командиром парохода «Котик» г. Витте и главным доверенным КТПО г. Кантор, расположившимися обедать и ловить рыбу. Когда я к ним присоединился, то у них уже был вытянут один невод с 250 штук кэты (по местному хайко). Витте, Власьев и Тюшов фотографировали несколько раз всю группу; затем то же сделал инженер Круг (участник экспедиции Рябушинскаго) на

новейших пластинках цветной фотографии. По окончании обеда все мужское общество пошло осматривать заводы.

В первом из них, консервном, — мерзость запустения: печи поломаны, полы разобраны, машины и материалы сложены в кучу, и все это покрыто толстым слоем пыли. Второй — туковый, совершенно исправен и может быть немедленно пущен в работу. Остановка только за рыбой: завод рассчитан на громадное ее количество, котораго в Авачинской губе и Тарьинской бухте добыть нельзя. По словам г. Кантора, предполагалось, что все окрестное население будет доставлять рыбу, но предположение не оправдалось: завод проработал только три дня, и с тех пор миллионное имущество гниет. Японцы хотели купить завод, но давали до смешного малую цену. Еще до сих пор на заводе лежит до 100 т коксу, который «Котик» и возит в Японию, где он продается по 33 руб. тонна. Разных сортов железо, бревна, доски, ящики, жестянки для консервов, соль в громадном количестве лежат внутри заводов и вокруг них.

Когда на обратном пути мы были почти на середине Авачинской губы, нам представилась восхитительная картина трех местных сопок, залитых красноватыми лучами заходящего солнца; причем все водное пространство и ближайшия горы были уже в полумраке. Не только я, но почти все наше общество долго находилось на палубе, любуясь этою картиной.

28-е, суббота. По случаю отъезда губернатора у уездного начальника был обед в присутствии всех местных властей, за исключением заведующего рыбными промыслами, с которым все общество не в ладу. После обеда г. Витте (командир «Котика») фотографировал в саду всех присутствовавших. В 7 ч. вечера был второй обед, на «Шилке». Стол был накрыт на верхней палубе, убранной флагами и разноцветными электрическими лампочками. По окончании обеда все общество поехало на «Котик», где дамы поднесли В. Е. букет живых цветов.

Когда «Котик» тронулся, казаки, выстроенные на Сигнальном мысу, дали несколько ружейных залпов, а Чупятов там же зажег фейерверк. Все время, пока «Котик» выбирался на фарватер, с «Шилки» освещали прожектором входную бочку. Вечер тихий, полная луна играет на гладкой поверхности воды, барометр 766 мм: признаки спокойнаго плавания.

29-е, воскресенье. За отсутствием священника, церковнаго торжества нет.

Около полудня наша компания отправилась пикником в Раковую бухту. Как и полагается в таких случаях, обедали на открытом воздухе, наловив предварительно рыбы на уху, все же остальное привеза с собой. После обеда, когда каждый старался забавляться по-своему, доктор Клопман приглашал меня ехать с ним в лепрозию, расположенную в дальнем углу бухты, но я отказался, так как достаточно посмотрелся на этих несчастных в прежние годы в Николаевске-на-Амуре. Доктор все-таки нашел себе компаньона и поехал.

По словам Леха и Тюшова, в лепрозии содержится десять взрослых и двое детей, в возрасте десяти — двенадцати лет.

Больные проводят время в полной праздности, и только один занимается зверовою охотой в ближайших горах. Недавно умер один больной, категорически отказывавшийся даже убирать около себя, говоря: вы меня сюда посадили, так и делайте все сами. Побегов больных почти не бывает. С больными живет много лет фельдшер, физически здоровый человек, но почти всегда пьяный. С. М. Лех много занимается благоустройством лепрозии и для этого пользуется всяким случаем получить с кого можно, чем можно и сколько можно. Чаще всего, конечно, дают деньгами, но он не отказывается брать строительными материалами, медикаментами и прочим.

На такие доброхотные даяния выстроены те три домика, в которых живут теперь больные. По словам Леха и Тюшова, разсадником проказы были с. Ганалы и Никольская волость. Последняя была образована в сороковых или пятидесятих годах прошлого столетия переселенцами из Иркутской губернии. Она находилась на западном берегу Авачинской губы, между нижними течениями рек Паратунки и Авачи. Теперь волости этой не существует: больные семьи вымерли, здоровые разъехались по полуострову, никто из вновь приезжающих местности этой не занимает, считая ее зараженной. В селение Ганалы из прежних больных осталась одна старуха, которая ни за что не хочет переезжать в лепрозию. Потомство ее находится под наблюдением, а других больных, говорят, там нет.

Некоторые здешние жители и бывшие здесь врачи утверждают, что проказа развивается от «саранной рыбы». Сарана — это болезнь на некоторых видах рыб лососевых пород, выражающаяся в покраснении кожи и в образовании на ней и в теле рыбы гнойников, наполненных микроскопическими червячками. Другие этому не верят, а все утверждают, что рыбу с резко выраженной болезнью выбрасывают и едят только такую, у которой болезнь простым глазом не видна.

Интересно бы знать, делал ли кто-нибудь бактериологическое исследование больной рыбы и к каким пришел выводам? Доктор Русаков просил меня привезти ему во Владивосток один экземпляр больной рыбы. Я передал об этом Тюшову, и он обещал мне достать.

Вечером, сидя дома, я просматривал дело начальника камчатской казачьей команды о прохождении казаками службы согласно «временных» правил, утвержденных приамурским генерал-губернатором 23-го июня 1897 г. Кроме этих правил, служба камчатских казаков нормируется приложением к статье 3-й Свода законов Российской Империи, издания 1903 г. (учреждение гражданскаго управления казаков). Камчатская казачья команда подчиняется уездному начальнику и разделяется на три отделения: петропавловское, усть-камчатское и тигильское. Каждое отделение имеет своего «частнаго»

начальника. Дисциплинарные права ни первого, ни вторых не определены. Кроме них, в команде имеются пятидесятники и десятники, соответствующие нашим унтер-офицерам и ефрейторам.

Службу казак начинает с двадцатилетнего возраста и отбывает в районе своего отделения. В командировках за пределами отделения он может быть не далее 500 верст; если же понадобится командировка далее, то каждый раз испрашивается разрешение военного губернатора. Единственный работник в семье на службу не берется; а так как в мирное время вся команда состоит только из 50 человек, то естественная убыль замещается людьми не младших, а старших возрастов. Предельный возраст — 45 лет.

Казак увольняется со службы только по достижении этого возраста или за полную физическую неспособностью. Из них инвалиды, не имеющие средств к существованию, зачисляются на особое инвалидное довольствие. В военное время на службу выходят все способные носить оружие, и тогда им выдается казенное оружие и лошадь. Все остальное обмундирование и снаряжение, а также собак, как в мирное, так и в военное время казак должен иметь свое. По справке о численности камчатских казаков, к 1-му января 1906 г. значится: в Петропавловске — 143 мужчины, 108 женщин, в Усть-Камчатске — 49 мужчин, 67 женщин, в Тигиле — 129 мужчин, 111 женщин, в Анадыре — 8 мужчин, 3 женщины, в Аяне — 1 мужчина. Всего: 330 мужчин, 289 женщин.

К этому надо прибавить, что, несмотря на отсутствие школ, почти все казаки грамотны; а некоторые даже настолько хорошо, что, будучи посылаемы в отдельные командировки, толково составляют разнообразные протоколы. Равновесие мужского и женского пола не дает возможности развиться проституции; но особенным пуризмом казачки не отличаются.

Июль, 1-е, вторник. Сегодня г. Пиунчик (заведующий городским училищем) обратился ко мне с просьбой написать наружную занавесь для устраиваемой в училище сцены. Я согласился, просил лишь достать необходимые материалы. Он немедленно отправился разыскивать их и скоро сообщил, что у местных торговых фирм есть только холст и некоторые сорта сухих красок. Решили, что за время моей поездки в Старый Острог (село Завойко, ныне Елизово. — *Ред.*), он поищет красок у частных лиц и, если достанет, то купит холст и сошьет его по размеру занавеси. . .

6-е, воскресенье. После обедни я заходил в городское училище, и г. Пиунчик сказал мне, что сухих красок он не достал, а потому не приготовил и холста для театральной занавеси.

Г-жа Пиунчик при этом просила меня написать небольшой местный пейзаж, который можно будет прикрепить к матерчатой занавеси и тем восполнить недостаток.

8-е, вторник. До сих пор самый жаркий день был в воскресенье, 29-го июня (38 °C в тени), на следующий день уже 28°, а вчера только +10,5 °C. При

этом с 30-го числа пасмурно, и все время идет мелкий дождь (по здешнему «бус»). Немного прояснилось 2-го июля, когда я выехал в Старый Острог, но и в тот день к вечеру так сильно затянуло небо, что успел сделать только один этюд, а на другой день должен был отменить поездку в Коряки. Вчера я лег в кровать с совершенно холодными ногами и долго не мог согреться под двумя байковыми одеялами. Сегодня я проснулся около восьми часов и увидел собственное дыхание, сгушавшееся около рта. Я тотчас приказал топить печь. Столь густого и низкого тумана, как сегодня, кажется, еще не было: вход в Авачинскую губу и прилежащий к нему берег совершенно не видны; а Мишенная гора весь день закрыта более чем на половину.

Утром заходил ко мне студент Брио и извинялся, что до сих пор не мог исполнить обещания приходить помогать в сличении текста Евангелий. Работа эта была предпринята нами после обнаружения в библиотеке здешнего собора старопечатного Евангелия, но очень скоро прекратилась, так как Брио и его товарищ по просьбе Чупятова, у которого они гостят, приняли участие в съемке окрестностей Петропавловска. Мысль об этой работе пришла Чупятову, как только выяснилось, что «Шилка» будет чиниться здесь не менее месяца, и что все это время чины гидрографической экспедиции совершенно свободны.

До сих пор сделать эту работу было некому, а выписать для нея специального землемера городское управление не могло за отсутствием средств. В то же время, не сделав плана местности, нельзя ходатайствовать об отводе городу земель. Так и жил до сих пор город на казенной земле, вечно воюя с обывателями, не желавшими во многих случаях признавать его юрисдикции и обращавшимися по всем вопросам, сопряженным с пользованием землей, к уездному начальнику.

Наконец сегодня я кончил делать выписки из дела «О войне с Японией». Дело это с полным основанием может быть озаглавлено «о войне уездного начальника с местными чиновниками» и помещено на страницах любого юмористического журнала. Все здешние приготовления к войне, все справки о ней, все отношения главных действующих лиц, к общему несчастью и между собой, носят совсем несерьезный характер. А местный «форт Шаброль», воспрещение учителю городского училища г. Роберту принимать у себя своих знакомых, а им посещать его; приказ купцу Подпругину начинать с Божьей помощью великое Государево дело по вывозу из Петропавловска «дырявой команды»; посылка городского старосты с понятиями за бароном Брюггеном и Вильдеманом для указания им на необходимость в Царские дни после молебна приносить поздравление уездному начальнику; вопросные пункты первому из них по поводу слухов о войне с Японией и о первых наших поражениях — все это отдает тою глубокою стариной, когда Камчаткой управляли Царские приказчики, чувствовавшие себя полновластными хозяевами

этого отдаленного края. По словам Леха, второй том этого интересного дела утерян во время хозяйничанья здесь японцев в конце июля и в августе 1905 г.

Вечером был у меня Векентьев и рассказывал, что статский советник Гребницкий, уже не начальник Командорских островов, а член Совета Министерства внутренних дел, приходил сюда в конце июля 1904 г. на специально зафрахтованном пароходе для ознакомления с положением дел (разгар русско-японской войны) и снабжения края съестными припасами. Он имел особые полномочия, в силу которых отменил все распоряжения Сильницкого о созыве камчатского ополчения, устранил его от должности уездного начальника и назначил вместо него Павсака, приехавшего на том же пароходе.

В августе Гребницкий выехал в Охотск. Вместе с ним выехал и Векентьев, в то время сильно болевший нервами. В Охотске он дождался зимы и на собаках выехал с семьей в Якутск. Переезд через Становой хребет был страшно труден. По Якутской области ехали частью на оленях, частью на почтовых лошадях. В Якутске Векентьев получил предписание губернатора Приморской области вернуться в Камчатку и вступить в командование дружинами. В этой должности он и пробыл до конца войны.

Сильницкий по приезде в Хабаровск был назначен чиновником особых поручений к бывшему генерал-губернатору и редактором «Приамурских Ведомостей». За свою деятельность на Камчатке Сильницкий получил орден Св. Анны 2-й степени. Осенью 1905 г. Сильницкий был командирован ревизовать Петропавловское и Командорское полицейские управления. По возвращении из командировки, он, ввиду смерти генерала Хрещатицкого и назначения генерал-губернатором Унтербергера, вышел в отставку и в настоящее время издает в Хабаровске левофланговую газету «Приамурье».

За вторую половину кампании Векентьев получил Св. Станислава 2-й степени с мечами, а несколько казаков, в том числе Юшин из Тигиля — Георгиевские кресты. Восемь таких же крестов были пожалованы и командорской охране. Эти последние розданы ей только в нынешнем году, в бытность на островах В. Е. Флуга. По словам Векентьева, за все время войны в Камчатке было уничтожено 19 японских хищнических шкун и около 400 японцев.

Японский майор Сечу-Гундзя, приходивший сюда во вторую половину кампании с организованной воинской командой, был взят в плен вместе с доктором Сасаки. Содержась здесь, он получал по 25 руб. в месяц и выпущен по заключении мира. В первую половину кампании он в качестве хищника занял селение Явино и выставил там доску с надписью. Тогда он был изгнан оттуда Сотниковым; но задержать его в то время не удалось...

10-е, четверг. Утром на «Шилке» был аукцион рогатого скота. Всех предложенных к продаже коров и быков купил Вильдеман, кажется, на круг по 120 руб. за штуку. Он очень доволен покупкой и говорит, что теперь на несколько времени в городе будет мясо и притом по цене гораздо ниже той,

какую пришлось бы платить мелким торговцам, если бы они купили скот по несколько голов каждый. За все время пребывания в Петропавловске я ел мясо только в тех случаях, когда его удавалось достать на военных судах или случайно, когда кто-либо из обывателей по необходимости бил скотину, задранную собаками. Организованной мясной торговли здесь нет.

Векентьев закончил сегодня составление проекта засыпки озера для увеличения площади будущего города. Наибольшая глубина озера (лагуна) оказалась 4 фута...

11-е, пятница. ...Последняя почта привезла в полицейское управление «штаты» будущей Камчатской губернии. Препроводительная бумага требует от уездного начальника сообщения с первым отходящим пароходом и, во всяком случае, в нынешнюю навигацию, соображения о наидешевейшем для казны способе «перемещения» в Петропавловск будущих чинов губернской администрации. Лех, смеясь, говорит: «Отвечу — “на добровольце по III классу”». Из остальной переписки видно, что высшая администрация края озабочена наивыгоднейшим для казны способом «размещения» в Петропавловске чинов будущей администрации впредь до постройки им домов и квартир.

«Штаты» предполагается ввести в действие со второй половины будущего года. Новая губерния охватит теперешние Анадырский, Охотский, Гижигинский и Петропавловский уезды, причем второй будет разделен на два приставства, и новый пристав будет жить в местечке Ола. Резиденция Гижигинского уездного начальника будет в бухте барона Корфа (это перемещение уездного начальника из селения Гижиги в бухту барона Корфа вызывается удобствами сообщения: первые пароходы в бухте барона Корфа могут быть в апреле, а последние в октябре; в верховья же Гижигинской губы из-за льдов, туманов и мелководья они попадают очень редко, а чаще разгруживаются против с. Наяхонского, отстоящего от с. Гижига на 120 верст), а Петропавловский уезд будет разделен на три части, с резиденциями приставов в Петропавловске, Усть-Камчатске и Тигиле. Чукотский полуостров будет отделен от Анадырского уезда и составит самостоятельный уезд.

Губернатор будет получать в год 12 тыс. руб. и 2 тыс. руб. квартирных. Губернское правление будет состоять: из вице-губернатора, заведующих медицинской и ветеринарной частями, инженер-архитектора, правителя канцелярии, двух старших и двух младших делопроизводителей, журналиста, ветеринарного фельдшера и четырех чиновников особых поручений, из коих два — без содержания. Кроме этих лиц, будут еще: ихтиолог, лесничий, представитель Государственного контроля, товарищ прокурора, казначейство и почтовая контора.

В «Штатах» не указано мировых судей. Их функции, как и функции судебных следователей, по-прежнему будут нести уездные начальники. По этому

поводу С. М. Лех вполне резонно замечает, что вместо ихтиолога, лесничего и контролера, которым здесь пока нечего делать, следовало бы ввести несколько мировых судей, так как неудобства совмещения административной должности с судебной особенно сильно чувствуются в делах казенного управления, где приходится постановлять приговоры по собственным протоколам или в делах, где полиция является в роли частного обвинителя. (По возвращении во Владивосток я узнал, что в Петропавловске будет открыт самостоятельный окружной суд, и первым его председателем намечен теперешний прокурор Владивостокского окружного суда А. Э. Шульц.)

Сегодня Подпругин показывал мне камушек величиной в кубический дюйм и говорил, что подобные и значительно большие (до размеров кулака) сыпались в прошлом году вместе с вулканическим песком. Песчаный дождь, начавшийся у Петропавловска 15-го марта, застал Подпругина близ Ключевской сопки 16-го числа и на несколько дней задержал его в пути; так как пока не выпал новый снег, собаки не могли тащить нарты. Полковник Неелов увез отсюда в прошлом году мешок этого вулканического песку и отправил его в Петербург.

Разговор о прошлогоднем извержении скоро перешел на разговор об устройстве новой губернии, и этот умный мужик озадачил меня вопросом: во что обойдутся населению разъезды чинов будущей губернской администрации? По мнению Подпругина, это будет одно разорение; так как у каждого чиновника, хотя и будет своя нарта, но на одной нарте он далеко не уедет: ему нужна будет вторая для вещей и третья для собачьяго корма; а когда поедет губернатор, то для него придется сгонять собак из нескольких деревень...

13-е, воскресенье. Сегодня утром в полицейском управлении был аукцион пушнины, собранной в ясак с жителей Петропавловского уезда. Это, кажется, первый аукцион за большой промежуток времени: в прежние годы вся пушнина отправлялась во Владивосток и там продавалась областным правлением. С. М. Лех устроил этот аукцион, пользуясь пребыванием в порте нескольких пароходов. Как он говорил мне вечером, аукцион не дал ожидаемых результатов, и даже первосортный бобер продан довольно дешево — за 800 руб.

Уже давно любители драматического искусства принялись разучивать пьесу Островскаго «Не все коту масленица», с целью устроить вечер в пользу городского училища. Так как нет основания ожидать большего чем теперь скопления пароходов, то уже вчера по городу расклеили рукописныя афиши и стали разсылать билеты. Сегодня в восемь часов вечера небольшой зал городского училища был битком набит публикой. Главным образом были гг. офицеры с наших военных судов. Для местных жителей настоящий спектакль, кажется, первое в их жизни развлечение подобного рода: до сих пор они знали только свои «вечерки» с неизменною «восьмеркой» (танец

с фигурами вроде французской кадрили) и выпивкой, а более состоятельные и с «девяткой» (макао).

Для первого раза гг. любители сыграли очень удовлетворительно. После спектакля доктор Квашонкин и купец Одолин спели несколько дуэтов, чем доставили публике особенное удовольствие. Когда зал значительно опустел, устроились танцы под звуки граммофона. Сбор превзошел ожидания: от платы за билеты, от чая, конфет, танзана, шампанского и карт получили более 400 руб. В частности, г. Яуналаксен, доверенный КТПО в с. Ключевском, дал за билет 100 руб. Кроме этого: сцена, устроенная г. Вильдеманом, парики и грим, выписанные некоторыми любителями за свой счет, пожертвованы в пользу училища...

...14-е, воскресенье. [14 августа 1908 г.]. После обедни Подпругин пригласил меня к себе на чай. Вся семья (два женатые сына и Мишка, ученик городского училища) была в сборе. Стол был накрыт чистою скатертью, и на нем в ожидании хозяина шумел самовар и дымился свежеепеченный пирог. Истово перекрестившись на образа, все принялись за чай и закуску. К чаю было какое-то варенье и сдобное печенье, а после пирога подавали рыбу, копченую, соленую и жареную и кислое молоко. Для желающих была водка и бутылка «дрей мадеры». Разговор начался с пересказа хозяином церковной проповеди, а кончился разными житейскими вопросами. Этот завтрак напомнил мне то время, когда я еще ребенком хаживал по праздникам с отцом в церковь, а мать ожидала нас дома с самоваром и пирогом. Очевидно, старые обычаи, которых за последние четыре десятилетия мне не приходилось наблюдать среди так называемых интеллигентов, в Камчатке еще живут крепко.

В первый же раз, когда я был у Г. Т., я видел на стене в «зальце» портрет о. Иоанна Кронштадтского, величиной в пол-листа писчей бумаги, сделанный олеографически на жести. Портреты эти уже давно распространяются по всей России. По поводу их мне рассказывали здесь, что некоторые мелкие купцы, развозя их по мелким инородческим становищам, делают хорошие дела: они продают их по 15 руб. за штуку (цена соболя 2-го сорта) и при этом уверяют темный люд, что употребление их двоякое: лицевая сторона служит образом, а на задней можно подавать чай.

15-е, понедельник. За обедом у Вильдемана я познакомился с одним из членов экспедиции Переселенческого управления. Он объехал окрестности Петропавловска и часть долины р. Камчатки и утверждает, что скотоводство здесь возможно при условии посева кормовых трав, так как дикорастущия травы очень жестки и в корм молочному скоту не годятся. Вильдеман оппонировал, ссылаясь на существующия молочныя хозяйства, но это его не убедило.

Опытное поле, устроенное в июне месяце чинами этой экспедиции, никаких результатов не дало. После обеда я ездил в Раковую бухту, куда наш паровой катер отвозил двух сестер милосердия Пермской общины. Оне приехали

на два года в здешнюю лепрозию. В первый путь мы прошли довольно спокойно: на обратном же пути нас порядочно покачало. Тем не менее, я зарисовал общий вид Петропавловска, и таким образом, наконец, сделал то, что хотел сделать еще в июне и июле. Тогда этому мешали почти постоянные туманы...

18-е, четверг. [18 сентября 1908 г.]. ...Г. Логиновский показал мне оригинальное «жаявление» старосты с. Кавранскаго, камчадала Назара Причина, поданное им «Благочинному Камцацких церковей отцу Николаю Скамарову» (вместо Комарова). Заявление написано на четверти листа писчей бумаги. После некотораго разбора этого совершенно безграмотнаго писания мы, наконец, поняли, что Причин доносит о посылке им лучшаго ученика в соседнее селение с приказанием обучать там русской грамоте и арифметике всех мальчиков и девочек, а в непродолжительном времени сам собирается туда ехать, чтобы проверить занятия. По словам Логиновскаго, Причин окончил церковно-приходскую школу и затем, радея к просвещению, за собственный счет и страх открыл школу в родном селении, в которой, за отсутствием учителей, преподает сам. Насколько мало он может передать ученикам, видно из его собственнаго писания; из него же видно, сколь неудовлетворительны церковно-приходския школы на Камчатке, не могущия научить своих учеников сколько-нибудь правильно излагать мысли. Да иными школы эти и быть не могут.

В девяностых годах прошлаго столетия был случай назначения священником в Камчатку писаря 7-го Восточно-Сибирскаго линейнаго баталиона, который по увольнении в запас армии два года был певчим архиерейскаго хора в г. Благовещенске и на том покончил свое образование. Проездом из Благовещенска в Петропавловск он был во Владивостоке у прежняго своего командира, полковника Немысскаго, и говорил ему и гг. офицерам баталиона о предполагаемых оборотах с пушшиной, но не о предстоящей ему миссионерской деятельности.

Более чем через десять лет после этого советник областного правления Ф. Ф. Сомов, ревизуя в 1907 г. северные уезды, узнал, что еще недавно в Гижиге был священник о. Чебатнягин, который всю церковную библиотеку употребил на оклейку стен своей и обывательских квартир. Несмотря на это, население чувствует потребность в образовании, доказательством чего служат Назар Причин и почти поголовная грамотность камчатских казаков. Поэтому непонятно предположение: с учреждением Камчатской области только преобразовать Петропавловское городское училище в реальное училище, вместо того, чтобы открыть реальное училище, существующее передвинуть в один из пунктов вглубь страны. Это, конечно, вызовет лишние расходы, но зато даст возможность большому числу детей получить мало-мальски сносное образование.

19-е, пятница. Утром в складе КТПО обнаружена кража пушшины (136 соболей, 100 горностаев, два бобра и прочее) на 15 тыс. руб. Замки на вход-

ных дверях целы, ни подкопа, ни следов проникновения через слуховые окна нет, только в одном из окон нижнего этажа вырезаны два стекла в наружной и внутренней рамах. Размер этих стекол 5 на 6 вершков, и взрослый человек сквозь них пролезть не может. На ящиках у самого окна найдена одна соболя шкурка, а другая втоптана в грязь на улице против этого окна. В верхнем этаже склада взломаны замки у мехового и галантерейного отделений, а у третьего замок отперт. В меховом отделении взломаны замки у двух сундуков с соболями и бобрами.

Очевидно, участников кражи было несколько: одни, пробравшись в склад перед его закрытием, ночью взломали замки у верхних отделений и у сундуков и подавали пушнину товарищам через вырезанные стекла; другие, приняв товар, тотчас отнесли его в заранее приготовленное место; первые же незаметно вышли из склада утром, как только он был открыт. Логиновский делал обыск на «Каморе», а командир «Шилки» — у судовой команды, но ничего не обнаружили. Вильдеман объявил премию в 1 500 руб. за находку товара. По поводу этой кражи в городе много толков, и никто не сомневается, что она учинена «мурками». Отсюда вывод: как можно меньше безработных пускать в край.

20-е, суббота. Сегодня некто Чарский давал концерт в том доме, в котором летом жили Флуг, Ренгартен и я. Для временного нашего пребывания помещение было вполне удовлетворительно; но для концерта оно мало. Поэтому, как говорят, публика битком набилась не только залу, но соседние комнаты, прихожую и даже была на крыльце.

Г. Чарский с четырьмя компаньонами все лето ловил рыбу около Петропавловска. Но, по сибирскому выражению, ему не «фартило», он проработался и, не имея на что выехать, дал этот концерт. Вильдеман помещение уступил бесплатно. Общий сбор около 80 руб.

Сегодня, делая прощальные визиты, я видел у Подпругина две очень хорошо сделанные его сыном модели: запор на рыбу и ловушка на соболя. Я хотел их купить, но они оказались уже проданными кому-то из чинов экспедиции Рябушинского.

22-е, понедельник. Вчера к обеду кончили нагрузку. Всего взяли более 200 бочек соленой рыбы. В два часа отошли от пристани, а сегодня в четыре часа утра вышли в море. Японец, прикащик Косыгина, с вечера, провожая кого-то, напился и заснул на пароходе. Обнаружили его сегодня утром. Поэтому сегодня около семи часов утра остановились около маяка, свистали; но лодка не пришла, и японец этот поневоле едет во Владивосток. Скептики утверждают, что японец все это устроил нарочно, чтобы незаметно выехать из Петропавловска.

В десять часов утра прошли мыс Поворотный...

А вот сведения о различных казенных и общественных учреждениях (судебных, радио- и телефонной станции, добровольном пожарном обществе), начало деятельности которых относится ко времени создания, точнее, воссоздания, в 1909 г. Камчатской области. Они подготовлены разными авторами и также почерпнуты нами из юбилейного сборника в память двухсотлетия основания Петропавловска.

СУДЕБНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ КАМЧАТКИ

... Камчатка всегда являлась самой миролюбивой страной в России. Местное население отличается необыкновенной честностью и на преступность не способно. Люди на Камчатке всегда жили, оставляя двери открытыми, и никогда ничего не исчезало.

Из преступлений крупного характера история знает два случая: первый — взлом сейфа в 1905 г. в полицейском управлении во время эвакуации города, из которого было похищено 40 тыс., и исчезновение из Петропавловского казначейства в ноябре 1912 г. 192 тыс. руб. Оба преступления были произведены приезжими.

С образованием Камчатской области и с введением в ней губернских учреждений, по постановлению Совета Министров и Высочайшему Повелению в июне 1912 г. последовало учреждение Петропавловского окружного суда и камер мировых судей во всех уездах области.

Основанием для открытия суда послужил доклад товарища министра юстиции г. Веревкина (младшего), в котором говорилось, что Камчатская область занимает сравнительно большое пространство, а для разбора дел требуется выезд сессии из Владивостока, что обременяет Владивостокский суд, что население Камчатской области составляет 300 тыс. человек (ошибся в десять раз), что поэтому он, товарищ министра, полагал бы необходимым открыть самостоятельный Окружной суд с резиденцией в гор. Петропавловске.

Суд прибыл в ноябре 1912 г., а в следующем году были выстроены здания для суда и квартир служащих. Прекрасный участок на берегу Авачинской бухты с разбитым парком с тех пор получил название «Судейского городка» и примыкал к земельной полосе радиостанции.

В состав Окружного суда были назначены: Владимир Иванович Головченко — Председателем и членами суда: Владимир Степанович Масловский, Яков Степанович Нейман и Александр Александрович Кокорев. Секретарем суда — Петр Алексеевич Смирнов.

Прокурорский надзор состоял из: прокурора Павла Григорьевича Лефевра, товарищей прокурора Павла Николаевича Шумилина и Николая Васильевича Денисова. Секретарь — Петр Сергеевич Савинский.

Мировыми судьями были назначены: в Петропавловск-Командорский участок — Николай Иванович Шаталин, в Гижигинский участок — Михаил Николаевич Успенский, в Охотский участок — Николай Михайлович Богданов и в Чукотско-Анадырский край — г. Горяинов.

Через некоторое время член суда г. Масловский был переведен в г. Верный, г. Нейман — на Кавказ, а А. А. Кокорев вышел в отставку. На их место были назначены гг. Андреев, Пржевуцкий и К. А. Емельянов.

Из состава прокурорского надзора был переведен г. Лефевр членом суда в Новгородский окружной суд.

В. И. Головченко до назначения на Камчатку был членом Иркутской судебной палаты. П. Г. Лефевр, хорошо известный и блестяще аттестованный по окончании Императорского училища правоведения министром юстиции И. Г. Щегловитым, долгое время бывшим директором Училища правоведения, являлся потомком одного из французских эмигрантов, после революции во Франции натурализовавшегося в России. Он был самым молодым русским прокурором, ибо, когда он занял этот пост, ему было всего тридцать три года. Пребывание П. Г. Лефевра на посту прокурора Петропавловского окружного суда было непродолжительным.

Колоритна и импозантна фигура первого председателя суда В. И. Головченко. Огромный, в сажень роста, покойный ныне Владимир Иванович имел очень маленькую голову, что несколько дисгармонировало в его наружности. Он был человеком волевым, строгим и неуклонным исполнителем закона. Покойного более всего раздражал тот маниловский либерализм, который просочился в судебную среду, где часто видные судебные деятели открыто становились в ряды «партии народной свободы». Так называемых «к-д» В. И. Головченко ненавидел, часто был вспыльчив по их адресу и пророчески называл их «разлагателями исторической русской государственности». В. И. Головченко был редкой трудоспособности и неуклонно в Камчатском суде председательствовал сам на всех уголовных и гражданских процессах.

А. А. Кокорев, скончавшийся в Харбине, где он успешно работал в качестве присяжного поверенного, и К. А. Емельянов были моими сослуживцами по Иркутской судебной палате. На личности последнего я остановлюсь подробнее. К. А. Емельянов — семинарист по образованию и воспитанию, принадлежал к той части семинаристов, которые насквозь были пропитаны «добролюбовщиной» и «писаревщиной» и в придаток к ним «творениями» Чернышевского и, конечно, по окончании семинарии пошел не по духовной линии, а поступил в Томский университет на юридический факультет, окончив который был кандидатом и помощником секретаря Иркутской судебной палаты. Он был прекрасным службистом, иногда придиричивым до излишней формалистики, но демократические его убеждения не слиняли у него и во время его государственной службы, и модное тогда заблуждение «о спаси-

тельности социализма» было его догмой. Но ему же суждено было испытать на себе «рецепт социализма» в 1920 г. в Николаевске-на-Амуре, и он осознал всю ложь социализма и поведал это в своей прекрасной книге «Трагедия Николаевска-на-Амуре». Где теперь К. А. Емельянов? По одним сведениям, он умер, по другим — жив.

В. И. Головченко в 1920 г. был в Омске директором Департамента Министерства юстиции и при эвакуации правительства адмирала Колчака из Омска в Иркутск скончался от сыпного тифа.

Преемником Лефевра на посту прокурора были судебные деятели гг. Кадышевский и Красильников, занимавший до этого должность прокурора в Благовещенске.

Из камчатских судебных деятелей следует отметить умершего в Харбине товарища прокурора Н. В. Денисова, редкого музыканта на цитре, честного работника и доброй души человека, занимавшего одно время пост товарища военно-морского прокурора во Владивостоке.

Камчатский окружной суд просуществовал до 1920 г., внедряя правовые понятия и уважение к закону среди инородческого населения Камчатской области. Дети природы, доверчивые и бесхитростные, за это время поняли истинное значение Суда и видели в нем осуществление права и правды, и охотно шли туда.

В конце 1918 г. Петропавловский окружной суд был переведен в Николаевск-на-Амуре. Председателем суда был назначен бывший товарищ прокурора Иркутской судебной палаты С. И. Васильевский, прокурором Красильников. Суд просуществовал там до 1920 г., когда почти весь состав суда погиб от рук Тряпицына (красного партизана-анархиста. — *Ред.*)...

РАДИОТЕЛЕГРАФ, ТЕЛЕГРАФ И ТЕЛЕФОН

14 ноября 1940 г. Петропавловская радиостанция отпраздновала тридцатилетие своего существования. Эта станция имеет свою длинную и славную историю, ибо она является первой мощной установкой не только в России, но и в мире.

В 1909 г. последовало Высочайшее повеление о соединении Камчатки телеграфом. Постройка телеграфной линии от Петропавловска до Охотска, расстоянием около четырех тысяч километров, местами по безлюдней тундре, требовала не только колоссальных средств, но и многих лет работы.

В то время постройка телеграфа была закончена на участках Иркутск — Якутск — Охотск, и эта телеграфная линия действовала.

В начале 1910 г. на Камчатку были отправлены тысячи рабочих, сотни лошадей и десяток транспортов с материалами и продовольствием. Для работ пришлось завозить абсолютно все — от гвоздя до телеграфного столба,

продукты, одежду, корм для лошадей, телеги и сани. Было приступлено к постройке дороги, помещений для рабочих и учреждений, сотни людей прорубали густой тальник и лес. Это было огромное предприятие государственного масштаба, пожалуй, не имевшего еще места в мире.

Производством этих работ ведали старшие механики гг. Гутман и Мотузкин. Инспектировали работы тайный советник Н. И. Рейх и старший механик г. Чеславский, приехавшие из Хабаровска. В течение трех лет телеграфная линия была проведена на 900 клм. от Петропавловска до Тигиля. Она связала все населенные пункты западного побережья Камчатки. В последующие годы такая же линия была проведена и к восточному побережью полуострова и доходит в настоящее время до селения Козыревского на реке Камчатке.

Трудно описать условия работ в дикой тайге, где летом людей заедали комары, а зимою они болели от цинги и работали в саженном снегу.

Одновременно с постройкой телеграфной линии правительство было озабочено установлением немедленной связи с центром области — Петропавловском. Возник вопрос о сооружении в Петропавловске и в Николаевске-на-Амуре радиостанций, имеющих связать эти пункты на расстоянии 1 200 клм.

В рассматриваемый нами период радиотелеграфия была в зачаточном состоянии. Опыты профессора Попова в России были признаны опасными и нежелательными и встретили даже враждебное к ним отношение со стороны некоторых ведомств. Почтенному изобретателю радиотелеграфии в конце концов правительство отпустило 50 руб. на продолжение его опытов, в то время как Маркони в Европе имел для своих работ неограниченные кредиты.

Естественно, что у нас в России при такой постановке в 1909 г. не было специалистов в этой области. В Электротехническом институте, единственном в России, в Петербурге, кафедрой радиотелеграфии руководил Н. А. Скритский (потом профессор), имевший несколько человек, специализировавшихся в этой области. В Инженерном замке была небольшая опытная радиостанция, которой заведовал полковник Критский. Такая же станция была и в Кронштадте, при которой была создана школа радиотелеграфии.

В 1905 г. в Россию были выписаны три станции Маркони, установленные в Царском Селе при Дворцовой электрической станции, в Зимнем дворце и в Сестрорецке. Связь на 25 верст поддерживалась с большими трудностями, и эти станции не имели никакого значения. Опыты радиотелеграфии на 300 верст были пределом достижения, и об этом шумела пресса.

План соединения Камчатки с Амуром радиосвязью, естественно, вызывал огромный интерес во всем мире.

Инженер-электрик Я. Я. Линтер (первый заведующий радиостанцией в Петропавловске) был срочно командирован в Европу и Америку для ознакомления с постановкой там радиотелеграфии и на изыскания на Камчатку.

Благодаря только что открытым новым методам радиотелеграфии фирма «Телефункен» в Берлине взяла на себя обязательство на постройку двух мощных радиостанций в Петропавловске и в Николаевске, и с этой фирмой был заключен контракт. Но кроме всего этого требовались специалисты для обслуживания этих радиостанций. Таковых у нас почти не было, а те немногие, которые интересовались этим делом, ехать на край света не желали. В конце концов правительство подобрало десять человек для Николаевска и Петропавловска, и все мы, снабженные большими прогонами, подъемными, солидными окладами, при обязательстве правительства предоставить нам казенные квартиры с полной обстановкой, посудой и принадлежностями и снабжать нас нужным продовольствием из Владивостока, в начале июня 1910 г. были отправлены к месту своей службы.

По прибытии в Петропавловск, мы нашли вчерне построенное деревянное здание для установки машин и приборов радиостанции и только что законченный постройкой двухэтажный жилой дом. Воздвигались мачты высотой в 75 метров. Работы производила германская фирма «Телефункен» под руководством инженера доктора Рейнгарт. По контракту, контрагент обязан был посвятить нас во все тайны сложных установок неведомого доселе «чертика». Здание было забраковано, как опасное в пожарном отношении, но генерал-губернатор Унтербергер считал установку настолько спешной, что распорядился использовать явно непригодное здание для установок приборов. Постройка железных мачт была завершена без несчастных случаев, и этому мы обязаны были опытному технику и механику г-ну Салищеву, проживающему сейчас в Шанхае. Без него навряд ли бы удалось закончить эти установки и работы на большой высоте.

Первые опыты не дали радостных результатов. К довершению всего в ночь на 31 августа 1910 г. бурей сорвало толь с крыши, и дождевая вода привела в негодность ряд приборов, без которых станция работать не могла.

С ближайшим пароходом во Владивосток была послана телеграмма, откуда ее отправили в Петербург и Берлин. Фирма «Телефункен» через Сибирь выслала новые приборы, которые и были доставлены в Петропавловск со специальным пароходом.

Постройка была закончена, опыты связи протекли успешно, и 14 ноября 1910 г. Камчатка была связана с Россией. Все мы были удостоены Высочайшей благодарности и милости за выполнение трудной задачи, и мировая техническая пресса посвятила этому целый ряд статей. Одновременно с нами фирма «Телефункен» доставила и в Японию две радиостанции, только меньшей мощности, где также началось радиостроительство.

5 января 1911 г. Петропавловская радиостанция сгорела, при чем едва спаслась из помещения через окна дежурная смена. Это был для нас ужасный удар. Об этом достигла весть до Петербурга только через два месяца, так как

из Петропавловска в Охотск была отправлена полетучка с казаком, который ехал день и ночь.

В середине июня 1911 г. мы получили двухкиловаттную радиостанцию и при ее помощи поддерживали по несколько часов в ночь связь с Николаевском. Работа была настолько напряженной, что из ушей от напряжения шла кровь. Одновременно было построено первое железобетонное здание на Камчатке, в котором и были установлены уже собственными силами новые машины и приборы, а в первых числах января 1912 г. восстановлена регулярная радиосвязь с Николаевском.

В том же году было приступлено к постройке радиостанций в Наяхане, Охотске и Анадыре, и с 1912 г. с ними была установлена связь.

В районе Петропавловской радиостанции Академией наук была сооружена первая сейсмическая станция и хорошо оборудованная метеорологическая станция, которыми заведовал А. А. Пурин.

Район радиостанции стал крупным культурным центром. Здесь производились исследования в области электрометеорологии, наблюдения за воздушными электрическими экранами и их передвижением, в области изучения землетрясений и т. д. При Петропавловской радиостанции были открыты курсы радиотелеграфии и радиотехники, на которые привлекались уроженцы Камчатки, получившие соответствующее образование, и из них подготавливались кадры работников по радиотелеграфии.

В 1914 г. правительство решило построить в Петропавловске радиолaborаторию, мастерские и отпустило 1 000 руб. на опыты по радиотелеграфии. Война приостановила многие широкие проекты.

Петропавловск же являлся центром связи между Россией, Японией и САСШ. В настоящее время Петропавловск является крупным радиоцентром. Он связан радиотелефоном с Хабаровском и с Москвой и со всеми радиостанциями края и Северного Ледовитого океана.

Число радиостанций в крае в настоящее время достигает ста. Почтовые учреждения охватывают не менее 150 пунктов в крае. В Петропавловске имеется городская телефонная сеть с иногородним сообщением.

ПЕРВАЯ ПОЖАРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НА КАМЧАТКЕ

История возникновения этой организации несложна. В 1909 г. в Петропавловске насчитывалось около шестидесяти жилых построек. С введением губернских учреждений в области, Петропавловск стал быстро разрастаться, так как было возведено много построек, и среди небольших камчатских домиков выросли солидные здания в один и в два этажа, но исключительно деревянные. Число таких построек в 1913 г. было двести. Каменные постройки на Камчатке возводить воспрещалось вследствие частых землетрясений.

Пожарной охраны, за исключением маленькой ручной машины и двух бочек при полицейском управлении, не было, почему у начальника уезда С. М. Лех возникла мысль учредить пожарное общество, что им и было проведено с успехом в жизнь.

Первоначально молодое общество за отсутствием необходимых средств и технической подготовки у руководителей не могло проявить своей деятельности во всей силе. Но с 1914 г., благодаря поддержке Российского Императорского пожарного общества, камчатского губернатора Н. В. Мономахова и энергии нового начальника дружины К. А. Ковальчука-Коваль, несмотря на материальные затруднения и малочисленность общества, оно вступило на путь противопожарной деятельности. Была построена учебная башня и приобретен обоз с необходимыми инструментами на зимних и летних ходах (зимних девять, летних восемь).

Добровольческая дружина быстро достигла 40 чел., с которыми и производились практические занятия еженедельно. Кроме того, по желанию губернатора был обучен обращению с пожарными инструментами отряд камчатских казаков в 20 чел. и организован отряд добровольцев-водоснабжателей китайцев в 20 чел.

Для района зданий радиостанции правительством была заготовлена мощная пожарная машина с большим количеством шлангов, лестниц, багров и прочего инструмента и 10 химических огнетушителей.

Обоз городского пожарного общества, ввиду расположения Петропавловска в гористой местности, — ручной летом, зимою частью на собаках.

При депо общества были установлены ежедневные дежурства начальников отрядов, проведена электрическая сигнализация в казарму жандармской команды и казарму камчатских казаков. Пожарное общество обладало собственным зданием и земельным участком.

Большие пожары имели место в январе 1911 г. и в декабре 1913-го, когда огнем были уничтожены радиостанция и здание почтово-телеграфной конторы и квартир служащих, а позднее и двухэтажный дом Пожарного общества.

С образованием пожарной дружины, первой на Камчатке, и с введением противопожарных мер, случаев больших пожаров не было, и они ликвидировались в самом зачатке. Заслуга в этом отношении принадлежит С. М. Лех и К. А. Ковальчуку-Коваль.

В развитие темы о первой пожарной организации на Камчатке приведем опубликованную в пятничном номере газеты «Камчатский листок» за 16 декабря 1916 г. заметку под заголовком «Маленький фельетон». Автор, укрывшийся под псевдонимом «Ирин», рассказывает о пожаре... которым было уничтожено само здание пожарного общества.

*Все это было бы смешно,
когда бы не было так грустно!*
Лермонтов

Астрономы доказывают, что планета Марс обитаема, причем веским аргументом их доказательства служит периодическая, совпадающая с нашими временами года, окраска этой планеты, как, например, зимою белая, весною, летом зеленая, осенью желтая и черная. Если верить астрономам, то можно надеяться, что эволюция жизни на Марсе должна идти параллельно с нашей Землей, а значит, и там одноклетчатая протоплазма за несколько сот тысячелетий переработалась до степени венца природы — человека.

Не знаю как гг. марсиане преуспели по части звездочетства, но если и они вооружены телескопами и наблюдали 12 декабря 1916 г. нашу землю, то по черному пятну на белом фоне (примерно, где стоит г. Петропавловск-на-Камчатке), могут с уверенностью сказать, что земля обитаема. Нас же (землеобитателей, а попросту обывателей) это декоративное черное пятно наводит на мысль, что все в жизни переходящее, а одинокий полуобгорелый остов каланчи свидетельствует о слабости человека перед силами природы. Пять лет подряд люди трудились и головой, и языками и горлом, и за это время организовали, в смысле программы, пожарное общество, а тут нате вам! Два часа работы стихийной силы и все, труды пошли насмарку. Какова была деятельность нашего пожарного общества до 12-го декабря, лица, кои интересовались этим вопросом, знают.

Но когда загорелось здание общества, люди, прибежавшие на пожар, прямо таки оторопели. Десятки горных ключей прорезают наш город вдоль и поперек, бухта к вашим услугам, а воды нет!

Додуматься вкопать бассейны воды на перекрестках улиц надо быть Эдисоном. Пришлось из единственной десятиведерной бочки окропить объята пламенем стены, омыть руки и вернуться домой. Здание, как и полагается в таких случаях, сгорело, прихватив и близ стоящего соседа. А сколько в этом здании произошло дебатов! Сколько перезсорилось почтенных граждан! Сколько здесь в былые времена выпито прохладительных напитков на усиленные средств!..

Одному Аллаху известно! Мне приходилось участвовать во многих обществах и членом, и зрителем, и, в конце концов, я потерял веру в способность русского человека работать сообща. Почему-то, как начинает организовываться какое-нибудь общество, мне приходит на мысль басня Крылова «Лебедь, щука и рак».

— Не хочу садиться ниже Ваньки Лыкова! — вспоминаю при этом выражение древних спесивых бояр. Вот инкубатор русской неорганизованности! Мы забываем, что, вступая членом в какое-либо общество, должны сбросить

свою мантию, именуемую «личное Я», и подчиниться исключительно программе, выработанной известным обществом.

Будем надеяться, что незанесенное пока снегом пепелище и полуобгорелая каланча послужат уроком на дальнейшее, какое бы ни было наше общее начинание, и как феникс на сем же пепелище возродится новое общество, которое не поставит в недоумение жителей Марса: как, мол, на Земле умудряются среди зимы делать распашки?

В этом же номере «Камчатского листка», единственного в ту пору «средства массовой информации» на полуострове, приведено письмо горожанина Е. Колмакова, дом которого располагался недалеко от места пожара.

Господин редактор! Не откажите поместить в уважаемой Вашей газете мою глубокую благодарность Начальнику Пожарной Дружины К. А. Ковальчуку, Начальникам местной Полиции, Камчатской казачьей команды, Жандармской команде, японской колонии, Торговому дому «Чурин и К^о» за подачу воды, и всем лицам, принимавшим участие в защите от огня моего дома и спасении моего имущества.

Здесь же правление общества назначало внеочередной сбор своих членов и всех желающих.

Ввиду постигшего несчастья вольно-пожарного общества правлением созывается чрезвычайное общее собрание 16 декабря в 7 часов вечера в здании Драматического Общества. Особых повесток не будет.

Предметы обсуждения: 1) доклад правления об оставшемся имуществе. 2) изыскание средств для оборудования обозного сарая. 3) финансовое положение дел общества.

Последний материал ежегодника также заимствован из уже неоднократно использованной ранее работы «Камчатка. Юбилейный сборник в память 200-летия основания гор. Петропавловска-на-Камчатке» (Шанхай, 1940. — С. 196—198). Он показывает развитие основных способов связи между населенными пунктами полуострова в конце XIX — первой трети XX вв., в тот период, когда на Камчатке практически полностью отсутствовали сухопутные дороги. При подготовке текста к публикации сохранен стиль оригинала.

ТРАНСПОРТ И АВИАСВЯЗЬ В КАМЧАТСКОЙ ОБЛАСТИ

Береговая линия Охотско-Камчатского и Чукотско-Анадырского края достигает 10 тысяч км. Все районы связаны с Владивостоком, Японией и САСШ только морским сообщением. Трудность плавания в Охотско-Камчатских водах обуславливается большими расстояниями между отдельными пунктами, сильными штормами и туманами, ледяными условиями, отсутствием портов и убежищ для грузовых работ. Во многих районах, например, в Гижиге, пароходы останавливаются за 20 км. от берега и простаивают, иногда неделями, прежде чем они смогут установить сообщение с берегом. К тому же Гижигинская и Пенжинская бухты, районы Нагаево — Охотск и Аян свободны ото льдов с июня по сентябрь. Таков же период навигации в северной части Берингова моря. К этому надо добавить сильные приливно-отливные течения в Охотском море, особенно в районе Пенжино, где это течение достигает 30 саженей. Отсутствие портов заставляет производить все выгрузочные и погрузочные работы в открытом море на шаланды и буксировать их к берегу, где нередко шаланды выбрасываются штормом или тонут на барах вместе с буксиром и людьми.

До 1880 г. Камчатка не имела регулярного сообщения с Владивостоком, и связь с нею поддерживалась частновладельческими компаниями. С 1870 по 1886 г. некто Филиппеус получал правительственную субсидию, и его пароходы раз в год заходили в Петропавловск, Усть-Камчатск, Тигиль, Гижигу, Охотск, Аян и Уду. С 1886 г. обслуживание Камчатки перешло к Добровольному Флоту, пароходы которого два раза в год приходили в Петропавловск и один раз в Гижигу и в Охотск. Таким пароходом Добровольного Флота был «Владивосток», посещавший Камчатку в 1890—1891 гг.

До этого Камчатку обслуживали пароходы Шевелева, который имел всего два парохода — «Байкал» в 1 500 тонн под командованием г. Ломашевского и пароход «Стрелок» в 700 тонн под командой капитана Эриксон. Эти пароходы посещали Камчатку в 1883 г. Пароход Добровольного Флота «Владивосток» погиб, и его заменил пароход «Хабаровск» с капитаном В. И. Чуриковым, замещенным позднее капитаном корпуса флотских штурманов Эгерман.

С 1899 г. Камчатку посещают пароходы КВЖД «Сунгари», «Ингута», «Мукден» и другие. Шевелев свое пароходство продал Добровольному Флоту. Принадлежащий ему пароход «Хабаровск» был переведен в Балтийское море. После русско-японской войны Камчатку обслуживали пароходы Общества прапорщиков, и только с 1906 г. начинается здесь регулярная работа Добровольного Флота.

Из статистических данных о деятельности пароходов Добровольного Флота видно, как развивалось пароходное сообщение, и насколько важны и неотложны для экономического развития страны эти сообщения:

Годы	Число рейсов	Грузооборот, пуд.	Число пассажиров
1906	6	88 796	661
1909	9	233 893	1 607
1910	13	367 327	2 516
1916	27	2 500 000	12 000

Камчатка этого периода обслуживалась шестью «невскими» пароходами типа «Симферополь» постройки 1913 г., пароходами «Яной», «Инди-гиркой», «Ставрополем», «Колымой», «Сишаном» и большими пароходами «Тамбов» и «Ярославль». Все пароходы имели сильные паровые или моторные катера морского плавания и специальные баржи для погрузо-разгрузочных работ.

Управляющий Добровольным Флотом Л. Ф. Компанион проектировал довести число камчатских рейсов до сорока и, кроме того, завести два парохода для обслуживания камчатского побережья до Петропавловска. В бухте барона Корф Добровольный Флот предполагал эксплуатировать уголь, чтобы весенними рейсами восточной линии обратными пароходами, идущими пустыми, вывозить уголь в Петропавловск и по побережью.

Благодаря осенним штормам погибало много народа при погрузке рыбы, почему и предполагалось назначить малые пароходы для провоза рыбы в Петропавловск, но это встретило противодействие со стороны рыбопромышленников, не желавших летом отрывать рабочих для грузовых работ в месте погрузки на пароходы. Рыбопромышленники предпочитали рисковать не погрузить свою продукцию и даже оставить рабочих на верную смерть на зимовку, чем пожертвовать несколькими днями на своевременным вывоз. Это вызывало нередко специальные посылки пароходов для снятия только людей. Например, «Ставрополь» до конца декабря в 1913 г. два месяца штормовал около Ичи, дважды заходил в Петропавловск пополнять уголь, прежде чем он смог снять с рыбалки людей.

В начале революции правильность рейсов пароходов Добровольного Флота нарушилась, а с 1920 г. большинство его пароходов было захвачено разными государствами, местными властями и даже отдельными лицами в разных азиатских портах. Добровольный Флот уже не мог обслуживать Кам-

чатку, как прежде, и оставшиеся у него пароходы фрахтовались рыбопромышленниками.

В это время администрацию области и население не раз выручали из бед яхта «Адмирал Завойко», охранные крейсера «Командор Беринг» и «Лейтенант Дыдымов», посыльное судно «Якут» и др.

В 1912 г. Добровольный Флот организовал первый рейс в устье реки Колымы. В 1913 г. для обследования пути через Северный Ледовитый океан снаряжается известная экспедиция Вилькицкого на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач». В 1921 г., в связи с необходимостью снабдить Петропавловск продовольствием, возникает вопрос об отправке зимою парохода. Обследование этого вопроса правительство поручает заведующему гидрометеорологической частью Морской обсерватории во Владивостоке А. А. Пурину, который на основании научных материалов доказывает полную возможность зимних рейсов между Владивостоком и Петропавловском. 19 декабря 1921 г. пароход «Охотск» под командой капитана Добржанского отправляется в этот первый зимний рейс с заходом в целый ряд портов Японии и прибывает благополучно в Петропавловск 22 января 1922 г. Опыт «Охотска» в 1922 г. был впоследствии использован для устройства рейсов между Владивостоком и Камчаткой в течение круглого года.

Организационная работа по установлению регулярного сообщения между Владивостоком и Охотско-Камчатским краем начинается в 1924 г.

Правительство вкладывает в паромное строительство десятки миллионов рублей, приобретает за границей пароходы, и с 1925 г. устанавливает срочные рейсы с Камчаткой. Число обслуживающих пароходов с 15-ти в 1925 г. достигает 66-ти в 1931 г. Число срочных рейсов с 11-ти в 1925 г. достигает 38-ми в 1931 г. Помимо срочных рейсов ежегодно бывают десятки рейсов со специальными заданиями, требующими завоз продуктов для края, снабжение заводов и прочее. Число таких рейсов в 1931 г. было свыше 100. Одних промысловых рейсов в 1932 г. составляло 27. Размеры морского грузооборота с 27 тысяч тонн груза и 6 600 человек пассажиров в 1925 г., в 1932 г. возросли до 176 500 тонн груза и 32 тысячи пассажиров. В 1935 г. этот грузооборот был доведен до 456 000 тонн.

Одной из важнейших задач в области морского транспорта является максимальное расширение сроков навигации и переход к плаванию в условиях ледового режима. Для срочных рейсов Владивосток — Петропавловск, занимающих теперь всего три-четыре дня, выстроены специальные пароходы, принимающие 1 500 тонн груза и 750 пассажиров. Они снабжены ледовым поясом и рассчитаны на круглогодичное плавание. Многочисленные рейсы «Сибирякова», «Литке», «Челюскина», «Красина», «Смоленска» и «Ставрополя» с научными обследованиями Дальневосточного геофизического института, сооружением сети метеорологических и радиостанций и уголь-

ных баз положили конец вековой изолированности Охотско-Камчатского края зимой от материка.

Пароходы теперь достигают в феврале Олюторского залива, а в мае — бухты Лаврентия. В 1934 г., в феврале, пароход «Ставрополь» заходил в 11 пунктов западного побережья Камчатки и доказал возможность зимних рейсов в Охотском море. Чрезвычайно оживилось и каботажное плавание, опирающееся на порты: Петропавловск — для южной части Камчатки и на севере Сахалина — для обслуживания южной части Охотского побережья, в Нагаево — для севера Тихоокеанского побережья и на порт Амбарчик в устье реки Колымы — для Ледовитого океана. В 1940 г. приступлено к постройке порта в бухте Провидения и проектируется постройка порта в Усть-Камчатске.

Петропавловский порт подвергся полной реконструкции. Построены причалы и пристани, механизированы грузовые работы, устроены угольные склады и площадки, судоремонтные мастерская и верфи для мелкого судостроения. Петропавловск сейчас фактически имеет три порта: в самом Петропавловске — коммерческий, в Соловарне — военный и Тарье — рыболовный.

Развитие грузооборота Петропавловского порта видно из следующих данных:

Годы	Грузооборот в тоннах	Число пассажиров	Число пароходов
1929	21 829	3 039	77
1930	41 243	9 863	111
1931	44 526	14 161	106
1932	43 371	9 390	126
1933	60 706	12 694	113
1934	72 752	13 730	95

В 1935 г. в связи с развитием каботажа и общего хозяйственного развития края грузооборот Петропавловска достиг 150 000 тонн и 26 000 человек пассажиров.

Большое значение для Камчатки имеет развитие сообщения между Одессой и Камчатским краем. Это сообщение разгружает Сибирскую железную дорогу и удешевляет стоимость перевозок, а также разгружает Владивостокский порт.

РЕЧНОЙ ТРАНСПОРТ

Речной транспорт в дореволюционное время происходил на катерах по реке Анадырь до с. Марково — около 600 км., по реке Камчатке до с. Машуры — около 500 км. и в позднейшее время был организован по реке Аваче между Петропавловском и сел. Завойко и по реке Пенжино км. на 60 от устья до места нахождения культурной базы. На малых реках и вдоль берега

население по-прежнему пользуется батами, байдарками и карбасами. Быстро заселяющаяся долина реки Камчатки и сельскохозяйственная промышленность требует развития речного транспорта. До 1934 г. речной флот Камчатки имел всего около 25 единиц. Пятилетний план предусматривал развитие грузооборота по реке Камчатке к 1937 г. до 50—60 тысяч тонн, и на оборудование перевозочных средств: катеров, речных пароходов, барж, вспомогательного рейдового флота и мелиоративные работы было отпущено 8 миллионов рублей. В том же году приступлено к расчистке и устройству сообщения по рекам Большой, Тигиль, Апука и другим, но сведений о поставке на них транспорта, к сожалению, нет.

СУХОПУТНЫЙ ТРАНСПОРТ

Основным зимним средством сообщения до самого последнего времени на Камчатке является собачий транспорт. Таковым главным трактом в долину реки Камчатки является зимний тракт из Петропавловска через селения: Коряки, Начики, Малку, Ганалы, Пушино, Шаромы на Верхнекамчатск. В Корякском округе основная магистраль идет из Гижиги в Марково и на Апукскую и Чукотскую ярмарки. Летом эти тропы проходят по топким тундрам и почти не пригодны для передвижения. По западному берегу дорога переваливает горные хребты и заросшие кустарником местности. Телеграфная просека и проложенная по ней времянка используются только частично. Передвижение на нартах занимает много времени, и стоимость перевозки груза необыкновенно высока. Так, например, стоимость перевоза одного пуда груза от Петропавловска до сел. Соболево 500 клм. в 1928 г. обходилась до 14 рублей, до Харьюзова — 700 клм. — 25 рублей. В 1929—1931 гг. стоимость перевозки удвоилась и даже утроилась.

Все это делает неотложным развитие в крае сухопутного транспорта и в первую очередь выдвигает необходимость строительства дорог.

Грунтовая дорога, соединяющая Петропавловск с с. Завойко, Коряки, Начики, была перестроена и приспособлена для автотранспорта. Построено ряд дорог в районе Большерецка и долины Камчатки и автотранспортная дорога, соединяющая порт Нагаево с Колымой.

Отсутствие рабочих рук не дает возможности развить на полуострове Камчатка дорожное строительство, и таковое идет медленным темпом. Быстрый рост грузооборота выдвинул план постройки железной дороги, имеющей соединить Петропавловск через Начики с Усть-Большерецком и с Мильково и на эти работы было намечено истратить свыше 9 миллиардов рублей. Эта железнодорожная магистраль должна охватить важнейшие рыбопромысловые районы Камчатки протяжением около 800 клм., и грузооборот этой магистрали намечается около двух миллионов тонн в год.

Другой проект предусматривает соединение Петропавловска железной дорогой с Усть-Камчатском протяжением около 650 км. Оба эти проекта встретили возражения отдельных лиц, которые считают, что в северных условиях транспорт был бы более полезен безрельсовый: аэросани, вездеходы, гусеничные трактора.

Принимая во внимание тяжелые условия морской выгрузки и погрузки на западном берегу Камчатки, железнодорожная магистраль, несомненно, сыграет огромную роль в этом районе и даст возможность доставлять все рыбные продукты в Петропавловск, откуда таковые на пароходах легко можно будет транспортировать дальше.

Вопросу постройки шоссейных и железных дорог на русском Северо-Востоке уделяется огромное внимание, ибо этим будет преодолена вековая изолированность наших окраин от материка.

АВИАСВЯЗЬ

С 1936 г. Камчатский край связан регулярным авиасообщением. Главная магистраль идет по линии Хабаровск — Николаевск-на-Амуре — Шантары — Аян — Охотск — Нагаево — Харьюзово — Большерецк — Петропавловск — Тихоокеанское побережье до Уэлена.

Вторая магистраль проходит: Хабаровск — Сахалин — Петропавловск. Сообщение с Петропавловском поддерживается гидросамолетами специального типа десять раз в месяц. Мощная центральная авиабаза в 1934 г. организована на мысе Шмидта и поддерживает постоянную связь с Нижне-Колымском, Ванкаремом, бухтой Провидения, Анадырем и Гижигой. Авиабаза создана также в Гижиге, через которую Чукотско-Анадырский край связывается с Хабаровском и с Владивостоком. Широкое применение авиации привело к установлению целого ряда второстепенных линий для перевозки пассажиров, почты, ценных грузов и медицинского обслуживания населения.

Все вместе взятое оживило Охотско-Камчатский и Чукотско-Анадырский край, который заселяется с большой быстротой и не менее быстро развивается в экономическом отношении.

Сведения за 1938 г. говорят, что в этом отдаленном крае теперь проживает 150 000 человек. По районам это население распределяется так:

в Чукотском округе — 30 000;

в Корякском округе — 20 000;

в Охотском округе — 17 000;

в Колымском округе — 33 000;

на полуострове Камчатка — 50 000 человек.

Эти цифры указывают на значительные изменения, произошедшие в крае за последние двадцать лет.